

РАННИЕ ПЕРЕВОДЫ ТОЛКИНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ

Лариса Бекасова

УДК: 82+821.111.

Ключевые слова:

Толкин, Властелин колец, Хоббит,
переводчики, Рахманова,
Грузберг, Муравьев,
реконструкция жизненного мира.

Аннотация

Статья посвящена изучению социальных и культурных условий, побудивших отечественных переводчиков 1970-х — начала 1980-х годов приступить к работе над переводом текстов Дж.Р.Р. Толкина, и истории развития их переводческих стратегий. Посредством анализа опубликованных источников и организации интервью с участниками событий и их близкими автор статьи реконструирует жизненные миры первых переводчиков Толкина на русский язык — Н.Л. Рахмановой, А.А. Грузберга и В.С. Муравьева. Феноменологическая дескрипция жизненных миров позволяет ответить на вопросы об основных мотивах и условиях перевода ими произведений «Властелин колец» и «Хоббит», а также служит ключом к пониманию места творчества Дж.Р.Р. Толкина в их жизни.

First Translations of Tolkien's Writings into the Russian Language: Socio-Cultural Contexts

Larisa Bekasova

Keywords:
*Tolkien, Lord of the Rings,
The Hobbit, translators,
Rakhmanova, Gruzberg, Muravyov,
life-world reconstruction.*

Abstract

The article deals with the social and cultural conditions that prompted Russian translators of the 1970s and the early 1980s to begin working on translation of J.R.R. Tolkien's texts, and with the history of the development of their translation strategies. The author of the article reconstructs the life-worlds of Tolkien's first translators into Russian—N.L. Rakhmanova, A.A. Gruzberg and V.S. Muravyov—by analyzing published sources and organizing interviews with the participants of the events and their relatives. A phenomenological description of the life-worlds allows us to answer questions about the main motives and conditions of translating the works *The Lord of the Rings* and *The Hobbit*, as well as performs a key factor for understanding the place of J.R.R. Tolkien's work in the lives of translators.

Переводы¹ являются той формой воспроизведения творчества Дж.Р.Р. Толкина, которая позволила русскоязычному читателю познакомиться с его произведениями, при этом именно ранние переводы заложили определенные переводческие тренды. Интересно, что практически в одно и то же время, в рамках полутора десятилетий, с конца 1960-х по начало 1980-х годов, разные, совершенно не связанные друг с другом люди, — Зинаида Анатольевна Бобырь, Наталия Леонидовна Рахманова, Александр Абрамович Грузберг, а также Владимир Сергеевич Муравьев и Андрей Андреевич Кистяковский, — заинтересовались творчеством малоизвестного в те годы в СССР автора Дж.Р.Р. Толкина. Важным является также характер каждого перевода: текст не был заказным и переводился по личной инициативе авторов. Этот внутренний всплеск интереса к Дж.Р.Р. Толкину и его книгам нам и предстоит проанализировать.

Феноменологическая дескрипция «жизненных миров» первых переводчиков Дж.Р.Р. Толкина на русский язык — Н.Л. Рахмановой, А.А. Грузберга и В.С. Муравьева — позволит проследить процесс формирования образа Дж.Р.Р. Толкина в отечественной переводческой среде в исследуемый период, выявить мотивы перевода его текстов и определить влияние социокультурной ситуации в СССР в 1970-е годы на решение взяться за перевод.

Концепт «жизненного мира», предложенный Э. Гуссерлем, имеет довольно широкое значение и охватывает различные сферы человеческой жизни. Наиболее общее его значение, которого мы и будем придерживаться в этой статье, было сформулировано Я. Слининым:

«Жизненный мир — это мир людей и предметов, непосредственно окружающих меня в течение всей моей жизни. Это моя семья, мой город с его ландшафтами и людьми, моя страна и т.д. Это мир моих личных убеждений, интересов, вкусов, дел и привычек» [Слинин 2006: 6–7].

Важно учитывать, что при работе с этой концепцией большую роль играет не только приближенная к человеку реальность, но и внешняя среда, которая хоть и находится в отдалении, но оставляет след в его мире. Иными словами, «жизненный мир» людей включает в себя и политические реалии, и мировоззренческие проблемы — все,

1. Мне бы очень хотелось поблагодарить тех людей, без которых этого исследования бы не было. Светлана Панич — замечательная переводчица, которая помогает мне своими мудрыми советами. Алексей Каменских — мой научный руководитель, который занимается многими достойными вещами помимо преподавания. Мария Чепайтите — переводчица и писатель, которая отнеслась ко мне и моему исследованию со всей душой. Константин Пирожков — новый друг и мудрый советник в моих начинаниях. И, конечно, Наталия Рахманова, Александр Грузберг и Алексей Муравьев, которые любезно согласились побеседовать со мной.

что становится значимым для исследуемых переводчиков. Каждая из этих категорий имеет свои специфические черты и необходима для конструирования «жизненного мира» того или иного человека.

Нельзя сказать, что эта тема совершенно не исследована. Так, мы можем отметить удачный подход, использованный М. Хукером в монографии «Толкин русскими глазами» [Хукер 2003]. Автор исследует условия создания переводов «Хоббита» и «Властелина колец», влияние истории, культуры России, а также взгляды переводчиков на их тексты. Для изучения социокультурного влияния советских реалий автор комбинирует использование материалов интервью с текстологическим анализом содержания книг. В своих работах Н.Г. Семенова и А.О. Ермоленко рассматривают содержательную часть переводов и различия в подходах авторов [Семенова 2010]; [Ермоленко 2019]. Восприятию переводных произведений читателями посвятила статью И.А. Сергиенко [Сергиенко 2010], а рецензию творчества Дж.Р.Р. Толкина широко рассматривает в своей диссертации Э.В. Шустова [Шустова 2017]. Тем не менее в каждом случае внимание автора уделено в большей степени влиянию исторического и культурного контекста на смысл произведения или переводческую стратегию, личность самого переводчика при этом несколько уходит на задний план.

Мы рассчитываем, что дескрипция «жизненных миров» позволит нам ответить на следующие вопросы:

- Как формировался и изменялся образ Толкина в отечественной переводческой среде в интересующий нас период?
- Чем определялся выбор каждым из переводчиков тех или иных работ Толкина и какой смысл вкладывал каждый автор в свою работу?

Источниковая база исследования состоит из эго-документов, включающих воспоминания переводчиков, мемуары их близких друзей и родственников. Отдельную категорию источников представляют интервью, которые можно условно разделить на две основных группы:

1. архив опубликованных интервью, находящихся в свободном доступе [Витковский, Хананашвили 2004]; [Муравьев, Калашникова 2001], [Муравьев и др. 2012]; [Рахманова, Артеменко 2021]; [Трауберг, Шведов 1998];
2. материалы взятых исследователем интервью с Наталией Леонидовной Рахмановой, Александром Абрамовичем Грузбергсом, с дочерью Н.Л. Трауберг — Марией Виргилевной Чепайтите, а также с сыном В.С. Муравьева — Алексеем Владимировичем Муравьевым.

Специфика исследования заключается в привлечении достаточного разнородного спектра источников для реконструкции «жизненных миров» выбранных авторов. С помощью интервью мы анализируем позиции авторов и одновременно с этим стараемся поместить их в контекст литературного мира того времени.

Обратимся к истории появления в СССР первых переводов Дж.Р.Р. Толкина на русский язык. Нам известны личности пяти авторов, ставших «первопроходцами» в области отечественной переводной толкинистики: Зинаида Бобырь создала переложение «Повесть о кольце» (1966 г.)², Наталия Рахманова перевела книгу «Хоббит» (1976 г.)³, Александр Грузберг написал самиздатовский «Властелин колец» (ок. 1977 г.)⁴, Владимир Муравьев и Андрей Кистяковский перевели первый том под названием «Хранители» (ок. 1976–1980 гг.)⁵. Несмотря на то, что З.А. Бобырь перевела большое количество фантастической литературы в советские годы, сейчас ее фигура малоизвестна, сведений о ее личности практически не сохранилось. Ввиду отсутствия источников здесь мы не будем подробно рассматривать ее личность.

Для того, чтобы понять, что побудило людей из разных городов и принадлежащих к разным переводческим средам переводить произведения Дж.Р.Р. Толкина, нужно выделить некоторые обстоятельства, которые необходимо принимать в расчет при анализе.

Начать стоит с распространенного заблуждения о том, что имя Дж.Р.Р. Толкина было абсолютно неизвестно в советском обществе. Уже в 1957 г. в выпуске библиографического указателя под названием «Художественная литература Англии 1955» была выпущена заметка о публикации в 1955 г. книги «Возвращение короля» под авторством Дж.Р.Р. Толкина [Левидова 1957: 113–114]. Несмотря на это, большого интереса к автору в СССР не возникало вплоть до 1960–1970-х годов.

Чтобы объяснить это явление, следует остановиться на общей картине распространения текстов Дж.Р.Р. Толкина на Западе. Известно, что в 1960–1970-е годы США и Западная Европа пере-

2. *Работу над рукописью перевода «Хоббита» З. Бобырь закончила в 1966 г; рукопись распространялась в машинописных копиях; первая типографская публикация перевода см.: Толкин Дж.Р.Р. Повесть о кольце. М.: Интерпринт, 1990. 488 с.*

3. *Толкин, Дж.Р.Р. Хоббит, или Туда и Обратно. Л.: Детская литература, 1976. 256 с.*

4. *Работу над рукописью перевода «Властелина колец» А. Грузберг закончил примерно в 1977 г; рукопись распространялась в машинописных копиях; первая типографская публикация перевода см.: Толкин, Дж.Р.Р. Властелин колец. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. 1024 с.*

5. *Работу над рукописью перевода «Властелин колец» В. Муравьев и А. Кистяковский закончили примерно в 1980 г; первая типографская публикация перевода см.: Толкиен, Дж.Р.Р. Хранители. М.: Детская литература, 1982. 336 с.*

живают «толкиновский бум», во многом совпавший с многочисленными протестными движениями среди молодежи, которая стремилась найти в его произведениях отсылки к современным реалиям [Домбровский, Хазанов 2020: 125–126]. Этот феномен проявляется в резком повышении популярности произведений «Властелин колец» и «Хоббит», появлении рефлексии на творчество Дж.Р.Р. Толкина в музыке и кинематографе, а также переводов его произведений на европейские языки (португальский – 1962 г., испанский – 1964 г., датский – 1968 г., итальянский – 1967 г., французский – 1969 г., немецкий – 1971 г.⁶) [Гайдаржи 2001].

Личность Дж.Р.Р. Толкина на Западе в эти годы приобрела массовую известность, а популярность чтения его книг и распространяющееся по миру появление переводов к 1970-м годам коснулась территории СССР и стран, находившихся в советской сфере влияния. В 1969 г. отрывок седьмой главы книги «Хоббит» на русском языке был опубликован в журнале «Англия» [Толкин 1969] с предисловием, содержащим информацию об авторе произведения и его академических заслугах [Летам 1969]. Это издание охватывало довольно широкую аудиторию и распространялось в 83 городах на территории всего Советского Союза, в том числе в Москве, Ленинграде и Перми [Белов 2001].

Следующее упоминание Дж.Р.Р. Толкина в отечественной научной литературе относится к 1972 г. Его имя, пусть и в несколько искаженном виде (Д. Толкайен), появилось на страницах Краткой литературной энциклопедии в разделе «Фантастика» [Нудельман 1972: 887–895]. А уже в 1974 г. учебное пособие «Зарубежная детская литература» включает в содержание раздел, посвященный писателю [Черняевская 1974: 60]. В 1975 г. в сборнике английских сказок публикуется еще один отрывок «Хоббита», но в этот раз на английском языке и с небольшим искажением фамилии автора (Tolkein) [Tolkein 1975: 311]. Появляются первые исследовательские работы, посвященные творчеству Дж.Р.Р. Толкина: С.Л. Кошелев защищает дипломную работу по переводу «Властелина колец» на русский язык [Кошелев 1975].

На фоне этих событий начинается активная деятельность по переводу Дж.Р.Р. Толкина на языки стран соцлагеря, а позднее и народов СССР. Впервые перевод произведения Дж.Р.Р. Толкина был напечатан в Чехословакии в 1973 г., это было издание «Хоббита» на словацком языке, а в 1978 г. появился перевод на чешский язык. В 1975 г.

6. 2-е издание с исправленными именами. 1-е опубликовано в 1957 г.: Tolkien J.R.R. *Kleiner Hobbit und der grosse Zauberer*. Recklinghausen: Paulus-Verlag, 1957. 350 s.

на территории Югославии появилось сербское издание, а первый русский перевод под авторством Н.Л. Рахмановой вышел в свет в 1976 г. Спустя год, в 1977 г., «Хоббит» был переведен в Эстонской ССР.

Эта информация опровергает тезис о том, что Дж.Р.Р. Толкин и его работы были абсолютно неизвестны в советском пространстве. Он не был знаком широкому кругу читателей, однако представители интеллигенции имели достаточно возможностей встретить имя автора в справочной литературе.

Вернемся к вопросу о том, как три независимых друг от друга переводчика пришли к решению переводить одного и того же автора. В чем уникальность этого феномена? Авторы жили в трех разных городах: Н. Рахманова — в Ленинграде, А. Грузберг — в Перми, В. Муравьев — в Москве. Они были незнакомы друг с другом, а круги их общения не были связаны и не пересекались между собой. Из причастности к разным культурным полям, обусловленным географическим разделением, следует разница в подходе к переводу. Иными словами, все три автора принадлежат к разным переводческим школам (под этим понятием подразумевается совокупность определенных переводческих принципов, присущих той или иной стратегии перевода, как то: московская и ленинградская школы переводов).

Н. Рахманову можно смело отнести к ленинградской школе перевода. В 1950-е годы она обучалась у видных представителей этой школы — Ивана Лихачева, Александра Энгельке, Эльги Линецкой, Татьяны Гнедич [Рахманова 2023: 319]. Переводческих принципов, которые легли в основу перевода «Хоббита», было довольно немного. Отвечая на вопрос об этом, Н. Рахманова отмечает следующее: 1) она переводит в меру знания английского и владения русским языком (что ей представляется не менее важным); 2) руководствуется интуицией [Рахманова 2004]. А главное правило, которого она старалась придерживаться в ходе работы над «Хоббитом», — избегать «русификации» текста, и в особенности имен персонажей [Рахманова 2004]. Как известно, ленинградская школа была одной из самых свободных, при этом ее последователи никогда не забывали, что «переводчик — не столько тот, кто знает языки, сколько тот, кто ведет себя как переводчик», а потому не пытается добавлять в авторский текст собственные мысли и соображения [Яснов 2010].

А. Грузберг никогда не посещал переводческие кружки и обучался искусству перевода самостоятельно. При детальном рассмотрении можно предположить, что его перевод относится к формализму в том смысле, который вкладывал в это слово И. Кашкин — его суть заключается в намеренном копировании подлинника [Кашкин 1954: 193]. В более широком смысле можно отнести переводческий стиль

А. Грузберга к буквализму. Согласно М.Л. Гаспарову, смысл такого перевода «...не обеднять подлинник применительно к привычкам читателя, а обогащать привычки читателя применительно к подлиннику» [Гаспаров 1971: 108–109]. Вот некоторые переводческие принципы, которые установил А. Грузберг для перевода романа «Властелин колец»: 1) перевод должен быть максимально близким к тексту; 2) все имена необходимо сохранить в их оригинальном написании; 3) в тексте нельзя ничего пропускать и упускать [Грузберг, Хукер 2002].

Определить принадлежность В. Муравьева к той или иной школе довольно сложно из-за отсутствия необходимых источников. Известно, что в Москве он проходил обучение в переводческом кружке Марии Лорие, с подходом которой, тем не менее, был не согласен [Муравьев и др. 2012]. Все описанные им «правила» перевода относятся к более позднему периоду жизни, однако вполне могли сформироваться уже в молодости: 1) перевод должен быть конгениален тексту оригинала; 2) если адекватность требует замены понятия в тексте, нужно без колебаний сделать это; 3) необходимо ответственно подходить к поиску словесно-художественного фона для каждого произведения [Муравьев, Калашникова 2001]. Если анализировать стиль В. Муравьева, то можно найти сходства с принципом реалистического перевода по И. Кашкину [Азов, Гусейнов 2013: 99]. Сын переводчика, Алексей Муравьев, подтверждает, что его отец «в определенной степени старался ориентироваться на Кашкинскую школу перевода» [Муравьев 2023: 345].

Интересно, что согласно теории А. Азова всех переводчиков позднесоветского периода должна объединять принадлежность к одной тенденции, господствующей в 1960-е годы, — стремлению адаптировать текст под советское культурное пространство; ориентации на «свое» (стремление соответствовать вкусам и привычкам читателей), а не «чужое» (стремление передать художественные особенности языка оригинала) [Азов, Гусейнов 2013: 16]. Однако полностью соответствуют данной логике только принципы В. Муравьева. Н. Рахманова и А. Грузберг в большей степени стараются сохранить английский дух оригинального произведения. Тем не менее неосознанно Н. Рахманова все же адаптирует текст, что видно на примере использования ею привычных русскому читателю выражений со словом «Бог», отсутствующих в оригинале [Хукер 2003: 76].

Несмотря на физическую и ментальную удаленность друг от друга, каждый из этих переводчиков, независимо от других, принял решение взяться за перевод книги Дж.Р.Р. Толкина. Неслучайный характер этого совпадения можно обосновать, если провести параллели между авторами и продемонстрировать сходства между ними.

1) Все три переводчика принадлежат к одной профессиональной группе. Первое и самое очевидное сходство — это филологическое образование. Еще одна особенность — интерес к иностранной литературе (в особенности английской). Все трое переводят преимущественно с английского языка и так или иначе взаимодействуют с Западом.

Повесть «Хоббит» летом 1974 года Н. Рахмановой предложил прочитать писатель Игорь Ефимов⁷, которому эту книгу привезли его зарубежные знакомые [Рахманова 2004]. Кроме того, в ее круг входили люди, интересующиеся зарубежной литературой как с профессиональной, так и с любительской точки зрения. Возможно, что переводчица могла слышать имя Дж.Р.Р. Толкина от них или же самостоятельно встречать его в отечественных публикациях.

А. Грузберг, с детства увлекавшийся чтением и коллекционированием словарей и энциклопедий, интересовался их зарубежными изданиями [Грузберг 2012] и, вероятно, тоже мог косвенно познакомиться с Дж.Р.Р. Толкином, увидев его имя в одной из справочных книг. Кроме того, его жена ездила в командировки за рубеж, откуда вполне могла привозить не только книги, но и информацию о популярных английских писателях.

Известно, что круг общения В. Муравьева был достаточно широк и во многом состоял из переводчиков и литературных деятелей, а подобные личности часто обладали информацией о доминирующих в западной литературе тенденциях. Существует также вероятность знакомства В. Муравьева с отрывком повести «Хоббит», опубликованным в журнале «Англия». Алексей Муравьев подтверждает тот факт, что его отец был знаком с личностью английского писателя еще до того, как к нему впервые попала книга «Властелин колец», — перевод романа был вполне естественным ходом, «*учитывая, что Дж.Р.Р. Толкин тоже был католик и человек, близкий к тем персонажам, которые интересовали отца*» [Муравьев 2023: 347].

2) В каждом случае инициатива перевода принадлежала автору и не являлась заказом редактора. Сами по себе издательства не были заинтересованы в выходе в печать произведений малоизвестного в СССР писателя Дж.Р.Р. Толкина. Более того, зачастую редакции ничего не знали о его существовании [Грузберг 2023].

Н. Рахманова начала работу над переводом «Хоббита» в середине 1970-х годов, вскоре после его прочтения. Переводчица сразу поня-

7. Игорь Маркович Ефимов (1937–2020) — автор детской литературы, публицист, философ и издатель. Его перу принадлежат произведения «Таврический сад», «Неверная», «Архивы Страшного Суда» и др.

ла, что *«детям это будет интересно и полезно»* [Рахманова 2023: 325], поэтому она отнесла пару переведенных глав редактору издательства «Детская литература», и они были восприняты одобрительно.

А. Грузберг, прочитав «Властелина колец», захотел познакомиться с книгой своих детей, потому и решился взяться за перевод довольно сложного и объемного текста романа [Грузберг 2023]. Важно отметить, что Александр Абрамович начал переводить книгу исключительно для распространения в кругу близких ему людей: по его словам, текст не предназначался для широкой публики [Хананашвили 2003: 3–4].

Изначально В. Муравьев и А. Кистяковский переводили книгу до того, как был заключен договор с одним из издательств, но *«они уже знали, что это будет напечатано»* [Муравьев 2023: 350]. Переводчики долго и настойчиво вели переговоры с издательством «Детская литература», которое в итоге согласилось выпустить сокращенный вариант первой книги [Витковский, Хананашвили 2004].

3) Наконец, мы можем предположить, что *каждый переводчик так или иначе транслирует в своем тексте политический манифест, который является отражением его жизненного мира*. Все они пережили печальный опыт взаимодействия с советским режимом. Этот опыт впоследствии наложил и несколько видоизменил восприятие произведений Дж.Р.Р. Толкина переводчиками.

Так, многие близкие и друзья Н. Рахмановой пострадали от действий правительства СССР: в 1946 г. из-за постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» подвергся репрессиям ее отец, Л. Рахманов⁸; учителя-переводчики — И. Лихачев, А. Энгельке, Э. Линецкая, Т. Гнедич — сами прошли ГУЛАГ; в 1964 г. был осужден близкий друг семьи Иосиф Бродский, в 1982 г. — Константин Азадовский⁹; из-за своих антисоветских убеждений сталкивался с проблемами и Яков Гордин¹⁰, муж переводчицы [Рахманова 2023]. В подобной ситуации вполне понятны причины, по которым Н. Рахманова относилась неодобрительно как к правительству СССР, так и к ситуации в стране в целом: *«Нас не устраивала лживая пропаганда, цензура, вмешатель-*

8. Леонид Николаевич Рахманов (1908–1988) — писатель, сценарист и драматург, журналист, военный корреспондент. До 1946 г. член редколлегии журнала «Ленинград».

9. Константин Маркович Азадовский (1941–н.д.) — филолог, литературовед. Отрицательно относился к политике, проводимой Советским союзом, и открыто заявлял об этом, в результате чего в 1982 г. был осужден по сфабрикованному обвинению и отправлен в лагерь.

10. Яков Аркадьевич Гордин (1935–н.д.) — писатель, историк, публицист и редактор. Имел четкие антисоветские взгляды и оставлял подписи в поддержку Иосифа Бродского, Андрея Синявского и Юрия Даниэля, Александра Гинзбурга и Юрия Галанскова, чем и привлек внимание соответствующих органов.

ство партийных органов в культурную жизнь» [Рахманова 2023: 319]. В этом вопросе мы вынуждены не согласиться с М. Хукером, который утверждает, что Н. Рахманова по политическим соображениям умышленно изъяла из текста «Хоббита» слово «Запад» [Хукер 2003: 63]. Действительно, мы можем видеть, что переводчица во многих случаях избегает упоминания этого географического понятия, однако, скорее всего, делает это подсознательно, или, как она сама говорит о своем методе перевода, — «руководствуясь интуицией». Отражение «жизненного мира» Н. Рахмановой и ее несогласие с советской реальностью, в которой она вынуждена существовать, проявляется скорее в ее отношении к тексту, нежели в самом тексте. Она увидела в «Хоббите» идею осознания ценности так называемого «маленького человека»: *«Толкин сумел показать, как человеческая доброта, порядочность, любовь к самым, казалось бы, простым ценностям <...> в минуты испытаний оказываются сильнее, чем воинский героизм» [Рахманова 2023: 324].* Подобная точка зрения не взялась из ниоткуда: это своего рода проекция собственного «жизненного мира» переводчицы. Однако мы все же можем наблюдать его влияние и в тексте перевода. В одном из отрывков «Хоббита» Н. Рахманова переводит нейтральное выражение об «обновлении мира» с позитивной эмоциональной окрашенностью, используя фразу «мир изменится к лучшему» [Толкин 1976: 239], что транслирует ее собственные надежды на будущее.

Университетские преподаватели играли большую роль в формировании личности А. Грузберга. Их взгляды и тяжелая судьба нашли свое отражение в его мировоззрении. Его научный руководитель Е.О. Преображенская¹¹ была сослана в Томскую область за хранение коллекции книг «реакционных авторов» [Грузберг 2010]. Другого преподавателя, Л.С. Гордона¹², не раз арестовывали и отправляли отбывать наказание в лагерях по надуманным обвинениям [Грузберг 2011]. Похожая судьба была у И.А. Смирин¹³ — близкого друга

11. Екатерина Осиповна Преображенская (1904–1984) — филолог, переводчица, руководитель кафедры иностранных языков историко-филологического факультета Пермского университета.

12. Лев Семенович Гордон (1901–1973) — историк и литературовед, с 1957 г. по 1967 г. доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Пермского педагогического института. Долгое время жил и работал за границей, из-за чего при возвращении в СССР подвергся репрессиям и в 1926 г. был приговорен к трем годам ссылки на Урал. В 1933 г. арестован как участник контрреволюционной организации и вновь приговорен к трем годам лагерей. В 1950 г. по обвинению во «враждебной деятельности против советской власти» он был приговорен к десяти годам лагерей, откуда был освобожден досрочно в 1955 г.

13. Израиль Абрамович Смирин (1925–1993) — литературовед, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Пермского государственного пединститута. С 1964 г. работал в Алма-Атинском университете, откуда был уволен из-за хранения самиздата.

А. Грузберга, уволенного с работы за распространение самиздата [Грузберг 2011]. Несмотря на это, сам Грузберг не был активным противником советского строя, хотя и относился к проводимой СССР политике «не слишком положительно» [Грузберг 2023: 307]; он никогда не ставил своей целью противостояние советскому режиму. Беря во внимание буквалистский подход А. Грузберга к переводу, мы не можем заметить прямого отражения его жизненных взглядов в переведенном им тексте произведения. Как и в случае с Н. Рахмановой, это влияние более заметно в отношении к оригиналу и его смыслу. А. Грузберг утверждает, что «Властелин колец» рассказывает о борьбе добра и зла, при этом отмечая «неблагонадежный» характер текста, «потому что при желании в тексте Толкина, конечно же, можно увидеть это [политический подтекст. — Л.Б.]. Там есть идущие с востока злые, с которыми запад борется» [Грузберг 2023: 309]. Интерес представляет выбор в переводе слов, имеющих определенный оттенок для восприятия советского человека, например, возможная аналогия с правящей партией при переводе «the Ruling Ring» как «Правящее Кольцо» [Хукер 2003: 177]. Сравнение нуждается в уточнении, так как до конца 1980-х в легальном советском контексте о КПСС как о «правящей партии» не говорили и не писали, однако в антисоветском самиздате такое выражение по отношению к ней вполне могло употребляться.

Обстановка, в которой жил и рос В. Муравьев, очень сильно сказалась на восприятии им «Властелина колец», ставшего своего рода «книгой надежды в безнадежности» [Трауберг 2006: 105]. Его мать вторым браком выходит замуж за филолога Е.М. Мелетинского¹⁴ и становится женой «врага народа» [Фильштинский 2005]. Бабушка живет в деревне в довольно тяжелых условиях, дядя погибает в лагерях. Все это дурно сказывается на репутации семьи, из-за чего В. Муравьева и его младшего брата не признают в школе и относятся к ним с пренебрежением [Трауберг 2021: 281]. Третьим мужем И. Муравьевой становится известный философ Г.С. Померанц¹⁵, также прошедший лагеря. С самого детства В. Муравьев растет в среде «антисоветчиков», позднее он входит в круги общения перевод-

14. Елеазар Моисеевич Мелетинский (1918–2005) — филолог и историк культуры, основатель исследовательской школы теоретической фольклористики. В 1949 г. был арестован в ходе кампании по борьбе с космополитизмом и реабилитирован осенью 1954 г.. Состоял в браке с Ириной Муравьевой в период с 1949 г. по 1955 г.

15. Григорий Соломонович Померанц (1918–2013) — писатель, культуролог и философ, участник диссидентского движения. В 1949 г. арестован по обвинению в антисоветской деятельности и отправлен в лагеря, был реабилитирован в 1956 г. Состоял в браке с Ириной Муравьевой в период с 1956 г. до 1959 г.

чицы Н.Л. Трауберг¹⁶ и А.А. Ахматовой, где разделяют его нелюбовь к Советскому Союзу: «*На Муравьеве негде было печати ставить в смысле неблагонадежности*» [Чепайтите 2023: 342]. Когда В. Муравьев и А. Кистяковский прочли «Властелина колец», они увидели в книге воинственный посыл, восприняли ее сквозь призму советского строя [Трауберг, Шведов 1998]. В. Муравьев был твердо уверен в своем видении произведения и впоследствии стремился вложить свои взгляды в перевод, сделать книгу своего рода прокламацией бунта против жестокого режима [Трауберг 2000]. Наиболее ярко это отражено в тексте более позднего перевода третьего тома, например, посредством использования в речи сторонников зла характерной лексики и жаргона чекистов:

«Сударь, сударь, одумайтесь. Согласно личному приказу Генералиссимуса вы обязаны немедля и без малейшего сопротивления проследовать под нашим конвоем в Приречье, где будете сданы с рук на руки охранцам. Когда Генералиссимус вынесет приговор по вашему делу, тогда и вам, может быть, дадут слово. И если вы не хотите провести остаток жизни в Исправнорах, то мой вам совет — прикусите языки» [Толкиен 1992: 314–315].

Показательным является также отмеченный М. Хукером фаталистический характер перевода [Хукер 2003: 132], который мог быть обусловлен тяжелой жизнью самого В. Муравьева.

Нельзя оставить без внимания вопрос о личных смыслах, которые переводчики вкладывали в собственный труд, и мотивах, которые побудили их переводить конкретные тексты Дж.Р.Р. Толкина. Так, «Хоббит» сразу понравился Н. Рахмановой, и это первое впечатление стало решающим для принятия решения о переводе его на русский язык. По словам самой переводчицы, причина была совершенно простой — Н. Рахманова просто захотела сделать это, «*и было логично предложить ее [книгу — Л.Б.] издательству, чтобы ее могли читать*» [Рахманова 2023: 324].

Аналогичным образом А. Грузберг, только начав чтение романа «Властелин колец», сразу понял, что перед ним не простая фантастическая история, что «Властелин колец» — это настоящая, «*большая*» литература, выдающееся произведение, «*не меньшая литература, чем у нас Толстой*» [Грузберг 2023: 315]. В этом романе заключена глубокая жизненная философия о вечном противостоянии добра

16. Наталья Леонидовна Трауберг (1928–2009) — переводчица, редактор и эссеист. Автор советских самиздатовских переводов христианских авторов (Г.К. Честертон, К.С. Льюиса), учредитель российского Честертонского общества. Активно занималась просветительством и не одобряла политику Советского Союза.

и зла: «...Толкин очень мудро говорит о том, что добро без зла не существует, если бы не было зла, не было бы и добра» [Грузберг 2023: 315]. При этом А. Грузберг не утверждает, что эта смысловая линия является в романе ведущей, признавая, что каждый может трактовать произведение по-своему: «Но, конечно, дело не в этой философии, можно эту книжку читать как сказку увлекательную, приключенческую...» [Грузберг 2023: 315]. Так как перевод делался в первую очередь для его детей, автор стремился передать свое видение произведения и сделал акцент на том, что при чтении произвело впечатление именно на него, — на точность проработки вымышленного мира, который «кажется реальней нашего» [Грузберг, Хукер 2002].

«Властелин колец» для В. Муравьева — это «рыцарственное сопротивление антихристу, которое для него отчасти было связано с сопротивлением советской власти и всему, что было с ней связано» [Муравьев 2023: 348–349]. Кроме того, ему в какой-то степени был близок образ одного из главных героев — Арагорна, который практически в одиночестве и в изгнаничестве вынужден вести свою борьбу. На последующее решение В. Муравьева взяться за перевод «Властелина колец» повлиял целый ряд факторов: 1) ему казалось, что это то иносказательное направление в литературе, которое нужно поддерживать; 2) это была большая и важная литературная работа; 3) они с А. Кистяковским договорились переводить «Властелина колец», а потом поступил и заказ от издательства [Муравьев 2023]. В те годы в СССР практически не существовало фэнтезийной литературы, а произведение Дж.Р.Р. Толкина не только было классикой этого жанра, но и воодушевляло читателей, в особенности подростков. Переводчики считали важным посыл книги, заключенный в борьбе добра со злом: В. Муравьев и А. Кистяковский «видели в этой борьбе проекцию той борьбы, которую они вели в своей жизни с тем, что они вкладывали в понятие советской власти» [Муравьев 2023: 351].

Итак, хотя подходы к переводу каждого из авторов отличаются, мы можем увидеть некоторые черты сходства между переводчиками в их биографиях и личностных качествах. Это позволяет выдвинуть предположение о том, что они во многом воспринимали окружающую их действительность в едином ключе. Наиболее яркой общей чертой являются их диссидентские взгляды, которые в той или иной степени присущи каждому автору. Несмотря на то, что только В. Муравьев являлся открытым противником и неприятелем советского режима, Н. Рахманова и А. Грузберг тоже с неодобрением относились к политике, проводимой СССР. Это во многом объясняет присутствие политических коннотаций в тексте их переводов или наличие в произведениях намеков на советскую действительность.

Как отмечает сама Н. Рахманова: «Думаю, что в семидесятые годы Толкин интересовал тех переводчиков, для которых партийная идеология была чужда» [Рахманова 2023: 325].

Творчество Дж.Р.Р. Толкина оказалось отдушиной для советских интеллигентов: они увидели в его книгах аллюзию на современные реалии и умело поместили их в перевод. Редакторы издательств и политическая верхушка зачастую не видели этого «молчаливого протеста» в переводных произведениях, однако посыл доходил до тех читателей, которые были в состоянии распознать его.

Интересно, что Дж.Р.Р. Толкин не был единственным автором, чьи произведения выступали в качестве источника для культурного диссидентства: среди таких писателей можно назвать имена Г.К. Честертона, К.С. Льюиса и многих других.

Если проследить переводческий путь каждого из авторов, можно понять, что выбор ими произведений также соответствовал определенной логике. Дальнейшее изучение этого вопроса позволит понять, в чем переводчики видели противостояние режиму и возможно ли существование неполитического диссидентства.

Список источников

1. [Витковский, Хананашвили 2004] — *Витковский Е., Хананашвили А.* Интервью для Арды-на-куличках // Архивы Минас-Тирита. 11.05.2004. URL: [link](#) (дата обращения: 24.04.2021).
2. [Грузберг 2010] — *Грузберг А.А.* Хочется вспоминать учителей... // Филолог. 2010. № 12. URL: [link](#) (дата обращения: 24.04.2021).
3. [Грузберг 2011] — *Грузберг А.А.* Лев Семенович Гордон // Филолог. 2011. № 14. URL: [link](#) (дата обращения: 24.04.2021).
4. [Грузберг 2023] — *Грузберг А.А.* Интервью. С. 304–317 наст. изд.
5. [Грузберг, Хукер 2002] — *Грузберг А.А., Хукер М.* «Мне нравится переводить» // Филолог. № 1. 2002. URL: [link](#) (дата обращения: 05.05.2021).
6. [Муравьев 2023] — *Муравьев А.В.* Интервью. С. 344–351 наст. изд.
7. [Муравьев и др. 2012] — *Муравьев В.С., Муравьев А.В., Калашникова Е.* Толкин оставил подробные рекомендации, что и как переводить // Нескучный сад. 2012. № 1. С. 74–79. URL: [link](#) (дата обращения: 24.04.2021).
8. [Муравьев, Калашникова 2001] — *Муравьев В.С. Калашникова Е.* Нет хороших и плохих переводчиков, есть удачные и неудачные переводы // Русский Журнал. 04.06.2001. URL: [link](#) (дата обращения: 14.04.2021).

9. [Рахманова 2004]—*Рахманова Н.Л.* «Воспоминания» // Архивы Минас-Тирита. 2004. URL: [link](#) (дата обращения: 24.04.2021).
10. [Рахманова 2023]—*Рахманова Н.Л.* Интервью. С. 318–325 наст. изд.
11. [Рахманова, Артеменко 2021]—*Рахманова Н.Л., Артеменко Г.* Кто научил Бильбо говорить по-русски // Новая газета. 19.01.2021. URL: [link](#) (дата обращения: 24.04.2021).
12. [Трауберг 2000]—*Трауберг Н.Л.* Толкин и непротивление // Архив материалов Круглого стола «Профессор Толкин и его наследие» в РГГУ. 22.04.2000. URL: [link](#) (дата обращения: 24.04.2021).
13. [Трауберг 2006]—*Трауберг Н.Л.* Невидимая кошка // Сборник статей. М.; СПб.: Летний сад, 2006. 304 с.
14. [Трауберг 2021]—*Трауберг Н.Л.* Сама жизнь. Изд-е 2-е. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2021. 440 с.
15. [Трауберг, Шведов 1998]—*Трауберг Н.Л., Шведов Г.* Толкин прямо прыгал от негодования // Вечерняя Москва. 22.06–5.07.1998. URL: [link](#) (дата обращения 24.04.2021).
16. [Чепайтите 2023]—*Чепайтите М.* Интервью. С. 326–343 наст. изд.

Список литературы

1. [Азов, Гусейнов 2013]—*Азов А.Г. Гусейнов Г.* Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 304 с.
2. [Белов 2001]—*Белов И.* Дж.Р.Р. Толкиен в СССР: 1969–1989 г.г. (Библиография с комментариями и подробностями) // Архивы Минас-Тирита. 2001. URL: [link](#) (дата обращения: 04.12.2021).
3. [Гайдаржи 2001]—*Гайдаржи П.* Ф.А.Q. по переводам и переводчикам Дж.Р.Р. Толкина // *Tolkien.su*. 2001. URL: [link](#) (дата обращения: 28.12.2021).
4. [Гаспаров 1971]—*Гаспаров М.Л.* Брюсов и буквализм. (По неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Мастерство перевода. Сборник 8-й. М.: Советский писатель, 1971. С. 88–128.
5. [Грузберг 2012]—*Грузберг А.А.* Словари иностранных слов. Статья вторая // *Филолог*. 2012. № 19. URL: [link](#) (дата обращения: 24.04.2021).
6. [Домбровский, Хазанов 2020]—*Домбровский П.А., Хазанов О.В.* Миф Дж. Р.Р. Толкина в мировоззренческих концепциях контркультуры западного общества в 1960–1970-х гг. // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2. №3. С. 124–133.

7. [Ермоленко 2019]—*Ермоленко А.О.* Сравнительный анализ переводов повести Дж.Р.Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно» с английского языка на русский. Реферат дипломной работы. Беларусский государственный университет, 2019. URL: [link](#) (дата обращения: 23.06.2022).
8. [Кашкин 1954]—*Кашкин И.А.* О реализме в советском художественном переводе // Дружба народов. 1954. № 4. С. 188–199.
9. [Кошелев 1975]—*Кошелев С.Л.* Дипломная работа, Московский государственный институт иностранных языков им. М. Тореза, 1975.
- 10.[Левидова 1957]—*Левидова И.М.* Художественная литература Англии 1955 // Художественная литература и литературоведение Англии. Библиографический указатель книг и статей, опубликованных в советской печати и в печати зарубежных стран в 1955 г. / Сост. гл. библиограф ВГБИЛ И.М. Левидова. М.: Б. и., 1957. С. 113–114.
- 11.[Летам 1969]—*Летам Ф.* Любимые детские книги // Англия. 1969. № 2 (30). С. 22–29.
- 12.[Нудельман 1972]—*Нудельман Р.И.* Фантастика // Краткая литературная энциклопедия в 7 т. Т. 7. 1972. С. 887–895.
- 13.[Семенова 2010]—*Семенова Н.Г.* Текстуальная зависимость переводов одного произведения в условиях их неофициального и анонимного бытования (к истории двух русских переводов эпопеи Дж. Толкина «The Lord of the Rings») // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание». 2010. № 9. С. 87–102.
- 14.[Сергиенко 2010]—*Сергиенко И.А.* И вела я жизнь цивильную, как вдруг...: история прочтения романа Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец» в России (1970–2000-е гг.) // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2010. Т. 187. С. 138–161.
- 15.[Слинин 2006]—*Слинин Я.А.* Э. Гуссерль и его «Картезианские размышления» // Э. Гуссерль. Картезианские размышления / Пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2006. С. 5–46.
- 16.[Толкиен 1992]—*Толкиен Дж.Р.Р.* Возвращенье Государя // Властелин Колец. В 3 т. Т. 3. М.: Радуга, 1992. 352 с.
- 17.[Толкин 1969]—*Толкин Дж.Р.Р.* Хоббит (отрывок из романа) // Англия. 1969. № 2 (30). С. 30–40.
- 18.[Толкин 1976]—*Толкин Дж.Р.Р.* Хоббит, или Туда и Обратно / Пер. с англ. Н. Рахмановой. Л.: Детская литература, 1976. 256 с.
- 19.[Фильштинский 2005]—*Фильштинский И.М.* Глазами друга (Елеазар Моисеевич Мелетинский, 1918–2005) // Отечественные записки. 2005. № 6. URL: [link](#) (дата обращения 27.05.2023).

- 20.[Хананашвили 2003] — *Хананашвили А.* Как это начиналось: Толкин в переводах Грузберга // Палантир: журнал Толкиновского общества Санкт-Петербурга. 2003. № 38. С. 3–16.
- 21.[Хукер 2003] — *Хукер М.* Толкин русскими глазами. М.: ТТТ, СПб: ТО, 2003. 302 с.
- 22.[Черняевская 1974] — *Черняевская И.С.* Зарубежная детская литература. М.: «Просвещение», 1974. 478 с.
- 23.[Шустова 2017] — *Шустова Э.В.* Рецепция творчества Дж.Р.Р. Толкиена в России на рубеже XX–XXI веков. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2017.
- 24.[Яснов 2010] — *Яснов М.* «Хранитель чужого наследства...» Заметки о ленинградской (петербургской) школе художественного перевода // Иностранная литература. 2010. № 12. URL: [link](#) (дата обращения: 05.07.2022).
- 25.[Tolkein 1975] — *Tolkein J.* An Unexpected Party (From “The Hobbit”) // Once Upon a Time...: English Fairy Tale. Moscow: Progress Publishers, 1975. P. 209–230.

АЛЕКСАНДР АБРАМОВИЧ ГРУЗБЕРГ

Расшифровка интервью, взятого Ларисой Бекасовой 24 февраля 2021 года. Публиковалось в сокращении на сайте журнала «Своими словами». В настоящем издании публикуется без сокращений.

Личная информация

Не могли бы Вы немного рассказать о том времени, когда Вы только переехали в Пермь, чтобы поступать в университет? Ваши ощущения, переживания?

Это был не первый раз, когда я приезжал в Пермь. Я был в Перми и раньше. Когда я приехал в Пермь... Ну что, я был очень удивлен. Я приехал в июле из Одессы, меня встречала тетя в пальто. В июле. Я был потрясен. После Одессы, где было очень жарко.

Ну и, в общем, город показался мне большой деревней, потому что за исключением центральной части, несколько небольшой, все остальное были частные дома.

В первый же день мы с тетей пошли на рынок, и этот рынок размещался там, где сейчас находится Политехнический институт. Там был центральный рынок, и вокруг были сплошные частные дома. Вообще такое впечатление большой деревни. И как-то все было непривычно.

Но привыкал недолго, я молодой был, 17–18 лет, тогда-то легко привыкаешь. Я пришел к тете, и дядя, ее муж, сказал: «Нет, прежде всего ты пойдешь в баню», — и объяснил, как мне идти в баню. Они жили в доме на углу Ленина и улицы, где сейчас находится госпиталь ветеранов войны, вот там они жили. Оттуда мне пришлось идти, он мне объяснил, на набережную Камы, в конце Комсомольского проспекта была баня. Ну вот, непривычно, конечно, было, но потом я довольно быстро привык, и с тех пор вот уже (это было в 1955 году) почти больше 60 лет я живу в Перми.

На второй год Вы начали жить в общежитии.

Да, через год после этого я начал жить в общежитии.

Сильно ли это повлияло на Вас?

Ну, конечно-конечно. Мне вообще нравилось жить в общежитии. Я жил с ребятами, с которыми подружился. Они были не филологами, между прочим, они были историки. И я знаю, что с ними стало, я с ними контактировал потом.

Но мне было очень тяжело в общежитии, потому что я не приспособлен был к общежитию, так как у меня режим совершенно другой. Я привык очень рано вставать и очень рано ложиться, а в общежитии это невозможно.

Ну, в общем, как-то прожил, на 4 курсе только переехал к жене после свадьбы.

В одном из интервью Вы рассказываете об эпизоде с Библией, когда Вам все-таки удалось добиться ее выдачи в библиотеке. Если Вы упоминаете об этом, можно предположить, что данный случай был для Вас значимым. Ее прочтение как-то повлияло на Вас?

Нет, в этом смысле нет. Мне Библия была интересна как книга, которую тогда трудно было достать, как редкая книга, вот это мне было интересно. Что касается ее содержания, то мне было содержание ее интересно прежде всего потому, что оно отражено во всем мировом искусстве: в литературе, в живописи, в музыке, везде.

Библия оказала огромное влияние на русский язык. Там сотни библиографических идиом библейских, типа «вавилонское столпотворение». И вот это мне было особенно интересно. И я об этом рассказывал, когда уже стал преподавателем, стал рассказывать студентам, и меня предупреждали: «Смотрите, это опасно, это же Библия. Не надо рассказывать студентам о Библии». Было такое.

Были ли Вы верующим до этого или, может быть, стали таковым после?

Нет.

На страницах «Филолога» Вы много говорите о своих учителях, о том, какое влияние они оказали на Вас. Наверняка, кроме преподавателей были и такие люди, которых можно назвать «особенными». Не могли бы Вы рассказать о них и об их влиянии на Вашу жизнь?

На меня большое влияние оказала жена. Вот мы с ней совершенно разные люди. Совершенно разные по характеру, по привычкам, по воспитанию — по всему. Мы совершенно разные люди. Она дочь неграмотной крестьянки. Очень способная, очень талантливая. И она, можно сказать, меня во многом «обработала», сформировала.

А что касается других, то вот те, о ком я рассказывал, других нет. Вот, Гордон, Смирин — эти мои старшие друзья, можно сказать, они на меня очень большое влияние оказали. А другие... Я просто не знаю, кто еще. Я очень дружу со своими однокурсниками, с теми, кто до сих пор жив, поддерживаю с ними контакты. Больше-то у меня особых контактов нет.

Расскажите, пожалуйста, в общих чертах о том круге, который сложился вокруг Вас в 1970-е годы? Может быть, о Лукашине, Зарипове...

Вот эти люди: и Лукашин, и Зарипов, ну там еще и Филенко, и Нина Горланова, и другие. Вот тот круг — это люди, которые, с одной стороны, любили книги (мы каждое воскресенье встречались на рынке, там, где продавали, где меняли книги), с другой стороны, это люди почти все, которые очень любили фантастику, ну и, так сказать, родственные души. Вот это был мой круг в 70-е годы.

Вы являлись членом клуба книголюбов...

Да.

...из которого впоследствии вырос КЛФ «Рифей»...

Нет, «Рифей» вырос не из клуба книголюбов. О каком клубе книголюбов Вы говорите?

В одной из статей (если я не ошибаюсь) газеты «Звезда» сказано, что «Рифей» появился как ответвление клуба книголюбов.

Нет, это неправильно сказано. Клуба книголюбов как такового, в общем говоря, и не было. Я организовал такой клуб при книжном магазине. Вот тут, рядом с нами, находится дом, и вот в этом доме был большой книжный магазин. Сейчас на месте этого книжного магазина шесть разных торговых предприятий. А был один магазин, книжный. И вот в этом магазине я организовал клуб. Магазин назывался «Поиск», по-моему. И вот, я там организовал клуб, и больше десяти лет я этим клубом руководил. Но он не имеет абсолютно никакого отношения к клубу «Рифей». Просто там мы встречались раз в месяц, и я готовил вечера, приглашал людей, выступали там многие. И за это продавали хорошие книги.

Клуб «Рифей» — это совсем другая история. Это фантасты, энтузиасты фантастики, вот они организовали этот клуб. Не было никакого другого клуба, из которого он бы вырос.

В чем был основной смысл деятельности клуба? Была ли у его членов какая-то «великая цель»?

Ну как, да нет, конечно. Никакой высшей цели не было. Просто собирались, как бы сказать, единомышленники, люди, которые любят фантастику. В основном это была молодежь. Эти молодые люди... Впоследствии очень многие из них стали писателями-фантастами, стали журналистами. Они все прошли через эту вот библиотеку [оглядывает книжные стеллажи], они все читали здесь книги. Я Вам потом покажу, это только часть библиотеки, малая часть. И вот, мы с ними говорили о фантастике, обменивались впечатлениями. Фантастики было мало и ее трудно

было достать, поэтому давали друг другу читать. Такой был клуб, хороший.

Как Вы относились к правительству СССР? И какой Вы видели обстановку в стране в 1960–70-е годы?

Конечно, в 60–70-е годы я видел правительство СССР совсем не так, как я вижу его сейчас. Это естественно. Но должен Вам сказать, что я с самой молодости хорошо знал истинную суть нашего строя. Я знал это. Знал о репрессиях, знал о преследованиях. Я это хорошо знал. Я, между прочим, даже это не скрывал, потому что я разговаривал со своими однокурсниками, ну не очень активно, конечно, я не был активным противником советской власти, но я знал ее суть. Поэтому я в общем относился к ней не слишком положительно.

Социокультурные реалии

С конца 70-х годов Вы начали переводить для самиздата. А было ли распространено чтение самиздата в кругу Ваших друзей или в семье?

Конечно, было. Я начинал с того, что я читал те произведения, которые у нас не печатались. Я читал их в машинописи, в рукописях. Вот мои старшие товарищи давали мне читать. Я помню, что я писал дипломную работу и я очень дружил со своим руководителем, с Ксенией Александровной Фёдоровой. И вот я вечером приходил к ней и читал ей стихи наизусть. И читал стихи наизусть, вот, скажем, стихотворение Слуцкого, был такой замечательный поэт. И у него было стихотворение: *«Мы все ходили под Богом, / У Бога под самым боком»*. Это о Сталине стихотворение, написанное тогда же. Я читал наизусть это стихотворение, и она спрашивала: *«Где Вы это взяли? Оно же не напечатано»*.

То есть я читал... довольно много читал. Особенно это относится к фантастике, ведь были такие фантастические произведения наших авторов, которые были запрещены у нас, которые не печатались. Стругацкие: *«Гадкие лебеди»*, *«Сказка о тройке»* — эти произведения Стругацких у нас не издавались, а я их читал, потому что они были в самиздате, в самиздате они ко мне приходили, и я их читал. Так что я самиздат давно знаю.

Как Вы думаете, верно ли, что интерес к некоторым авторам, книги которых распространялись в самиздате, был обусловлен недоступностью их книг в официальных источниках?

Наверное, это отчасти правильно. Если бы был свободный доступ ко всем авторам, наверное, предпочтения были

несколько другие. Ну, знаете, запретный плод сладок. Это всегда так. Вот сейчас я считаю Солженицына не очень хорошим писателем, не очень настоящим писателем, в том числе и его знаменитый «Архипелаг ГУЛАГ». Это же не художественное произведение. Но тогда я с огромным рвением разыскивал его, когда оно было запрещено, я нашел его и читал.

Какое отношение в советские годы было к переводчикам «легальным» и самиздатовским?

Я не считал себя переводчиком. Я до сих пор практически не считаю себя переводчиком профессиональным. Я переводчик-любитель. Никакого образования у меня нет специального. Я самоучка-переводчик.

В одной из своих статей Алла Хананашвили (она в Израиле живет, я встретился и познакомился с ней там) она написала: «...это любительский перевод. Но ведь любительский приходит от слова “любить”!».

В советское время существовал довольно узкий круг переводчиков, профессиональных переводчиков. Они были членами Союза писателей обязательно, они хорошо зарабатывали, за переводы хорошо платили. И там существовала страшная конкуренция, они никого к себе не подпускали, они старались себе взять как можно больше работы. Их было немного, и попасть туда было практически невозможно. Я это знал, и когда я переводил, у меня даже мысли не возникало, что перевод мог быть опубликован, это просто невозможно.

Я работал для собственного удовольствия; для того, чтобы дети у меня прочли. Вот они первые в нашей стране читатели Толкина на русском языке, мои дети. Для этого я работал, складывал в стол, давал друзьям, знакомым читать, в общем, все это уходило в самиздат, я это уже не контролировал, но о том, чтобы стать профессиональным переводчиком, я не думал, даже мысли такой в голове не было.

С другой стороны, что касается самиздатовских переводчиков, то я никого из них не знал вообще. Я работал один, я никого не знал, ни с кем не контактировал, ну, косвенно, конечно, через кого-то выходили мои переводы к кому-то, но я никого не знал. Так что я не знаю, как жили самиздатовские переводчики, я знаю, как я жил.

На одном из интернет-ресурсов, посвященных переводам Толкина на русский язык, встречается такое обоснование 10-летнего разрыва между переводами первого и второго томов «Властелина Колец» В. Муравьевым: «Продолжение перевода не выходило из-за идеологической неблагонадежности переводчиков». Как Вы думаете, что подразумевалось под «идеологической неблагонадежностью» переводчиков в те годы?

Я думаю, что не из-за неблагонадежности переводчиков, а из-за неблагонадежности текста. Потому что при желании в тексте Толкина, конечно же, можно увидеть это. Там есть идущие с востока злые, с которыми запад борется. Восток — это зло, помните все эти сражения. Так истолковывали, конечно, поэтому я думаю так.

Я Вам расскажу эпизод, наверное, Вы читали о нем, я о нем часто рассказываю. В 1976 году, когда я уже перевел Толкина, — Толкин умер в 1973 году, в 1976 году он уже был всемирно известный писатель, — я был по делам в Москве, у меня там был знакомый, друг мой старший, работавший в институте русского языка. Он повел меня обедать в Дом ученых, там сравнительно недалеко, на [ул.] Волхонке старая дворянская усадьба. Там была прекрасная столовая, мы туда ходили обедать. И там мы познакомились с одним человеком, этот человек только что защитил докторскую диссертацию по философии. Мы сидели, обедали, и этот человек говорит: *«Вот я люблю, я перевожу. Когда я встречаю хороший рассказ по-английски, я его перевожу и отношу в редакцию журнала “Химия и Жизнь”, — был такой замечательный журнал, — я встретил рассказ какого-то совершенно неизвестного мне писателя, Толкина, и я его перевел и принес в редакцию. Там прочитали — понравилось. И сказали: “А мы не можем напечатать.” — “Почему?” — “А мы не знаем, кто это такой. Может, это антисоветский писатель. Вот узнайте, кто он такой, скажите нам, и мы тогда, может быть, напечатает. Особенно хорошо, если он уже умер, тогда он точно о нас ничего плохого не скажет”».*

1976 год, всемирно известный писатель. А у нас ничего о нем не было известно. Вот такая была обстановка, такой был железный занавес.

О переводческой деятельности

Идею о переводческой деятельности для самиздата Вам подал Раис Зарипов. Он же периодически приносил Вам научную фантастику для перевода?

Нет, книгу для перевода он мне привез только самую первую, Берроуза. А потом я уже сам добывал. Жена мне привезла, она работала в Индии, оттуда привезла несколько книг фантастики. Потом я уже сам добывал тексты, это было очень трудно, но я вот добывал их.

А Раис... У него не было возможности добывать тексты. Одна книжка ему попала, вот он и попросил меня ее перевести.

На тот момент он уже активно участвовал в самиздатовской деятельности?

Я об этом не знал, он очень активно участвовал. Вот, посмотрите [указывает на огромную стопку], видите, там лежат книги. Это и есть самиздат.

Вчера девочка из Турина у меня спросила: «А где можно, а в какой библиотеке можно увидеть эти самиздатовские книги?» — «Да ни в какой библиотеке...» — «А может быть, Вы их сфотографируете? Обложки, иллюстрации, выходные данные?» — «Вы не понимаете, о чем говорите».

Давайте я Вам лучше покажу [достает самиздатовское издание Толкина]. Вот, это работа Раиса, он печатал на машинке, переплетал и отправлял. И это уходило в народ. А мне он отдавал один экземпляр.

Вот, видите, этот стеллаж [указывает на огромный книжный шкаф размером в длину и высоту целой стены], это все мои переводы. Причем некоторые издания уже даже сюда не входят [лежат отдельной стопкой].

Какую цель преследовал Раис Зарипов, организуя свою «подпольную» библиотеку? Он делал это ради благих побуждений или преследовал личную выгоду?

Он был любитель книг, любитель фантастики и детективов. У него не было никаких политических целей. Его интересовали только книги. Настоящие книги невозможно было достать, было очень трудно, и он сам себе делал книги. Он был рабочим, практически не образованным, но очень страстным любителем книг. Вся его жизнь в этом была.

Как ему удалось организовать самиздатовское производство?

Я плохо это себе представляю, потому что это было очень опасное занятие. Но я знаю, что в Ленинграде находился своего рода центр по изготовлению этих самых самиздатовских книг, именно фантастики. Некий Климов возглавлял этот центр. Причем я с трудом себе это представляю, это было не просто так, потому что в советское время иметь дополнительно квартиру, которая используется как склад этих изданий и как рабочий офис, — это было невозможно без ведома соответствующих организаций. Видимо, все-таки знали.

Но это было большое предприятие, были контакты во всех городах, повсюду были у него переводчики свои, вот так, как с Раисом. Раис присылал ему экземпляры того, что мы делали (я же много для него переводил), а он присылал в ответ то, что он получал из других городов. И так это развивалось.

Я знаю, что потом этот Климов, уже в 90-е годы, когда отменили цензуру и можно было все издавать, он издал несколько моих переводов под своими именем и фамилией.

Вы знаете, тогда было такое пиратство невероятное, очень много моих переводов выходило не только без моего ведома, просто под другими фамилиями. Я приехал в одно издательство в Москве... Они все, эти издательства, возникали и исчезали, возникали и исчезали, немножко заработали денег — и всё... Вот там и издали мой перевод, я приехал к издателю, он такой молодой человек, очень бойкий, и говорит: *«Вот, у нас новые книжки вышли»*. Я беру, смотрю — автор Баллард, английский писатель. И один из романов в моем переводе, а написан совершенно другой автор. *«Слушайте, да это мой перевод»*. — *«Да?! Ну ладно»*, — полез в карман, достал пачку денег. — *«Вот Вам гонорар за него»*.

В одном из интервью Вы говорите о том, что свои переводы Вы передавали Раису Зарипову для дальнейшего распространения в самиздате. Значит, Вы и сами предлагали Раису свои переводы, а не только лишь получали заказы от него. А все ли Ваши переводы он принимал или от каких-то отказывался?

Конечно, все. Он, так сказать, доверял моему вкусу.

Наверное, Вы были у него единственным источником переводов?

Да.

А каких еще авторов Вы переводили до Толкина?

Очень многих. Ну, первая книжка, которую я перевел, — это был Берроуз. Берроуз — это, конечно, не самый мой любимый автор, но вот это была первая книга. После Толкина я перевел еще несколько своеобразных книг. Был такой писатель, Дилэни, американский автор, у него роман «Вавилон-17», вот этот роман я перевел. Он меня заинтересовал, потому что там речь идет об искусственном языке. Такая вот лингвистическая основа, и очень сложный для перевода роман. Был такой автор, Аврам Дэвидсон, американский, я перевел его роман «Рорк». До Толкина я переводил Азимова «Лакки Старр», ну и много-много...

Почему именно английская литература? У Вас никогда не появлялось желания научиться читать и на других языках?

Конечно, желание было, но возможности просто не было. Я слишком был занят вот этими делами. Я немножко знаю немецкий язык, я понимаю, когда говорят по-немецки, могу прочесть несложный текст, но это не знание, конечно, языка. Я, к сожалению, ограничен только английским языком.

Ведь мы все учились понемногу. Я учил в школе английский язык, я учил в вузе английский язык, везде получал пятерки. Конечно, я не знал английского языка... Кто из выпускников вуза знает английский язык? Никто не знает, это же совсем другой уровень знаний.

Первое время мне пришлось очень тяжело, первую книжку я переводил полгода. Сейчас я такую книжку переведу за две недели. Опыт приходит со временем, но я практически все свободное время этому посвящал, поэтому у меня очень большой словарный запас. Но у меня разрыв между знанием письменной речи и устной. Я читаю без затруднения любой текст, а говорить почти не могу, мне очень трудно говорить по-английски. Бывает, я встречаюсь с иностранцами, нужно говорить по-английски, я говорю им: *«Пожалуйста, говорите медленнее, a little slowly, I don't understand you»*. Когда медленно говорят, я начинаю понимать и пытаюсь ответить. Притом у меня возникают совершенно невероятные ошибки.

Мой сын, он же у меня в Америке живет, когда он еще сдавал экзамены, он познакомился в поезде с американкой, которая была учительницей в Москве. Она работала не в посольстве, она учила детей посольских работников. У нее там была квартира, она ее снимала. Мой сын меня с ней познакомил, и я у нее остановился, две недели там прожил. И когда я уходил, я хотел ее поблагодарить... *«Thank you for your...»* — я забыл, как будет гостеприимство, я сказал — *...for your hostility»*. Она так смеялась, я спутал hostility и hospitality.

Что вдохновляло Вас на перевод той или иной литературы и в чем Вы видели смысл своей деятельности?

Мне было просто интересно. Я рассматривал текст на английском языке как своего рода задачу, как зашифрованный текст — я должен его расшифровать. Мне нравилось это занятие, и я этим занимался с удовольствием.

Я же иногда переводил с листа. Если я читал книжку, которая мне очень понравилась, которую я по тем или иным причинам не мог или не хотел переводить, а мне хотелось бы, чтобы ее моя жена прочла. Мне очень понравился роман Фаулза «Волхв», замечательный роман, вообще писатель великолепный, великий. Большой роман, я его прочитал, мне очень понравился. И я сказал: *«Люся, я тебе прочту эту книжку»*. И мы с ней около месяца каждый день... Я ей прямо с листа переводил этот текст, и весь роман прочитал ей.

Не мешала ли официальная работа в ПГПУ в 70–80-е годы Вашей переводческой деятельности?

Я работал в вузе с 66-го года в штате, а с 62-го внештатно. Я почти сразу после окончания университета работал в школе и потом в вузе начал работать. И больше 50 лет я там проработал.

Как Вам удавалось совмещать переводческую деятельность и официальную работу?

Очень просто. Я почти не тратил времени на преподавательскую работу. Преподаватель ведь, он идет на занятия... Ну, у нас ведь большая нагрузка: «*Илюша, у тебя какая нагрузка?*» — «*Большая нагрузка! Две лекции в неделю!*» — две лекции в неделю, он профессор американского университета. Ну, у меня, конечно, было гораздо больше занятий, но я к ним не готовился, я все знал заранее. Я был человек очень начитанный, потому почти не готовился к занятиям. Приходил, проводил занятие, и у меня оставалось очень много свободного времени. И вот это свободное время я уделял переводам.

О Толкине

Как, в сравнении друг с другом, в те годы распространялись оригинальные тексты Толкина и его переводы и в каких кругах они вообще приобретали известность?

Не знаю. Откуда мне это знать?

Я оригинальные тексты Толкина в Советском Союзе вообще не видел. Единственный экземпляр, который я видел, — это тот, по которому я переводил. Это был экземпляр из библиотеки иностранной литературы. Там я нашел этот трехтомник, совершенно не зная, кто такой Толкин, прочитал первые несколько страниц, понял, что это совершенно другой уровень литературы. Скопировал, там была фотолаборатория, они мне сфотографировали.

Потом я видел еще одно издание Толкина, был магазин стран народной книги, стран народной демократии в Москве, и там я видел трехтомник Толкина, но на венгерском языке, на котором я, конечно, читать не мог. В следующий раз я увидел Толкина, когда приехал к Илюше [сыну — прим. ред.] в Америку в гости, и мы с ним пошли в магазин. Там стояли целые полки изданий Толкина.

В каких кругах приобретали известность Ваши самиздатовские переводы Толкина?

Вы знаете, я знаю, что этот перевод очень широко разошелся по стране, его все читали. Все, во всяком случае, любители такой литературы, все читали, поэтому все люди более или менее пожилые, они другие переводы не принимают. Трудно психологически перестроиться под другой перевод, я понимаю. Я бывал в разных городах: в Москве, в Ленинграде, в гостях у любителей фантастики, и я видел, что стоят на полке вот эти томики переплетенные. Я смотрел,

а это мой перевод. Я, конечно, никому не говорил, что это мой перевод, но я видел, что они там стоят.

Когда у нас, у первых в Перми, появился свой персональный компьютер, потому что жена работала за границей, она могла его привезти (но он был куплен здесь), и когда мы стали его осваивать, мы обнаружили, что там в памяти записан текст перевода «Властелина колец», это был мой перевод, кто-то его туда внес.

Я знаю, что этот перевод был распространен чрезвычайно широко, но кто был этот автор, никто не знал. Только потом с большим трудом Хукер выяснил, кто переводчик.

До Хукера никто даже не подозревал?

Нет.

В ответах Марку Хукеру Вы говорите, что ничего не знали о Толкине, работая над переводом «Властелина колец», а данное произведение обнаружили случайно при очередном посещении Библиотеки иностранной литературы. Когда Вы узнали о личности Толкина и какое отношение у Вас было к нему после этого?

Ну, я всегда считал его великим писателем, тем более когда узнал о нем. Понимаете, Юля [дочь — прим. ред.], которая была очень увлечена Толкином (и сын у меня тоже, они с детства влюбились в Толкина), Юля тогда только готовилась стать журналистом, она ходила в редакцию, была такая молодежная газета «Молодая гвардия», там собирали школьников. И она написала маленькую статью, которую назвала «Фродо жив». А сюда приехал, как-то собирались тут фантасты из разных городов, и приехал из Москвы известный критик Гаков (Ковальчук его настоящая фамилия, Михаил Андреевич). И я ему показал эту статью, он ею заинтересовался, забрал, выяснилось, что это первое в нашей стране печатное сообщение о Толкине в газете. Он отправил эту статью в музей Толкина, в первом издательстве в Англии, которое первым напечатало Толкина и владеет правами на его издания. Вот там организован большой музей, они там всё собирают про Толкина. Послали туда эту статью, и Юлька получила бандероль с благодарственным письмом от этой редакции, и там была биография Толкина на английском языке с дарственной надписью Кристофера [Толкина — прим. ред.].

Странно, что такой большой писатель... Я смотрел еще тогда... В 1976 году я смотрю, такая серия выпускается — Великие писатели XX века, английская серия. 1 том — Томас Манн, 2 том — Фолкнер, 3 том — Толкин.

«Властелин колец» понравился Вам уже при первом прочтении, Вы сразу поняли, что это серьезная литература. Вы даже решили, что это произведение просто необходимо

к прочтению Вашим детям, что, по сути, и стало причиной перевода. Скажите, пожалуйста, в чем лично для Вас заключается философия данной книги?

Вообще говоря, это сказка. Как и все сказки, она рассказывает о борьбе добра и зла. Это вечная борьба, и Толкин очень мудро говорит о том, что добро без зла не существует, если бы не было зла, не было бы и добра. А это взаимосвязанные понятия, и они друг на друга действуют обязательно. Это глубокая, очень глубокая философия, жизненная. И хорошо, если бы ее поняли. Но, конечно, дело не в этой философии. Можно эту книжку читать как сказку увлекательную, приключенческую, из которой американцы сделали такие замечательные фильмы. Но это вообще большая литература, это не меньшая литература, чем, скажем, у нас Толстой.

Как Вы поняли, что эта книга — «серьезная литература»? Почему так необходима к прочтению?

А это очень просто. Надо прочитать — и поймешь. Я не знаю, как это я понял. Ну как Вы понимаете, когда читаете книгу, что это великая книга? Это же не определишь, нет алгоритма.

Вы прочли «Хоббита» несколько позднее, чем «Властелин колец». Скажите, какое впечатление у Вас было от этой книги?

Это совершенно другой уровень читателя. Хоббит написан для ребенка, это детская сказка. А «Властелин колец» совсем не детское произведение, это произведение для взрослых, поэтому они разные.

А что насчет «Сильмариллиона»?

Это очень сложное произведение, очень трудное. Это не совсем художественное, я бы сказал, произведение. Это интересно для любителей Толкина, конечно, там огромное количество сюжетов, и я всегда удивлялся, почему кинематографисты не хватаются, там же основания для десятков фильмов, таких же как «Хоббит» и «Властелин колец». Потом я узнал, что дело в правах. Не продают права на «Сильмариллион», или как-то ведутся переговоры, но все никак... Так, вообще-то, богатейшая по сюжетам книга. Ее было очень трудно переводить, самый трудный текст Толкина.

Намного позже Вы перевели эти два произведения по просьбе издательства...

Нет, ни в коем случае! Толкина я переводил *не* по просьбе издательства. Вот «Хоббита» я перевел по просьбе издательства екатеринбургского, а «Сильмариллион» — по своей инициативе, мне хотелось, я и перевел. Я не думал, что его издадут, его и не издали до сих пор, мой перевод.

О переводах Толкина

Знакомы ли Вы лично с кем-либо из переводчиков Толкина на русский язык?

Нет, ни с кем не знаком. И не хочу с ними знакомиться.

Вы, конечно же, знаете о книге Марка Хукера и, вероятнее всего, читали ее. Не кажется ли Вам, что М. Хукер в своей аналитике немного «перегибает палку», политизируя все, что можно и нельзя? Я говорю в первую очередь о моментах с такими выражениями, как алое знамя / красное знамя, Запад и Восток, написанные где-то с заглавной, где-то с прописной буквы, а также чересчур пристальное внимание к слову «план».

Конечно! Он всюду ищет влияние КГБ и преследования переводчиков и Толкина, это правда. Но он американец, что ж. Я туда прилетел, сидит пожилой человек, поговорили по-английски. Он спросил, откуда я, слышит, что я с акцентом говорю. «Россия». — «*Your Putin — сукин сын!*» Это типичное отношение американцев: «*Son of a bitch!*»

Действительно ли переводчики тех лет читали тексты Толкина исключительно через призму советских реалий и партийной идеологии? Или, может быть, это встречалось лишь в виде редких исключений?

Я думаю, что вряд ли. Для этого нужны слишком большие умственные затраты.

Дополнительные вопросы

С появлением интернета Ваши переводы начали появляться в свободном доступе. Вас это как-то задело?

Нет, я к этому привык. Вот если бы я сюда поставил все пиратские издания моих переводов, их было бы вдвое больше. Ну просто издатели могли даже и не знать, кто был переводчиком, но издавать. Естественно, им было выгодно ничего не платить.

Ваша дочь Юлия, она переводила стихи к «Властелину колец». Сколько ей было?

Она была школьницей, старшие классы, 16–17 лет.

Она уже знала английский язык?

Она училась в 7 школе, и она, да, знала английский и сейчас до сих пор владеет, хорошо говорит по-английски, читает.

С тех пор как она прочла «Властелина колец», она стала поклонницей Толкина?

Да.

Подобного эффекта вы хотели добиться, когда переводили Толкина для детей?

Нет, я об этом не думал. Я просто увидел, что это хорошая книжка, интересная, хорошо подействует на детей. Я хотел, чтобы они прочли, и они прочли.

Ваш сын тоже увлекся Толкином?

Да, он тоже любит Толкина, конечно. Но он уже американец, он уже говорит по-английски очень хорошо, и летает по всему миру, и читает лекции на английском языке. Он сюда приехал, его попросили выступить в университете, и говорит: *«Знаешь, мне трудно по-русски лекции читать»*. Терминология совсем иная.

НАТАЛИЯ ЛЕОНИДОВНА РАХМАНОВА

Расшифровка интервью, взятого Ларисой Бекасовой в апреле 2021 года. Публиковалось в сокращении на сайте журнала «Своими словами». В настоящем издании публикуется без сокращений.

Личная информация

Кто из родственников оказал на становление Вашей личности наибольшее влияние? Как повлияла на Вас кинематографическая среда, частью которой Ваша семья стала благодаря деятельности отца?

Если говорить о «становлении личности», то наибольшее влияние оказал, безусловно, отец. Кинематографическая среда никак не вторгалась в нашу жизнь.

Вы верующая? И являлись ли Вы таковой в советские годы?

Я с уважением отношусь к учению Христа, но не могу считать себя верующей в полном смысле слова. Так было в советское время и теперь.

С чего началась Ваша любовь к литературе и что впоследствии побудило Вас поступать именно на филологический факультет?

С малолетства меня окружали книги, и естественно было их полюбить. Очень рано отец начал читать мне вслух хорошую литературу. Например, Диккенса, Конан Дойля. Он читал мне поэтов: Хармса, Введенского. Уже потом я полюбила Мандельштама, Цветаеву, Блока. Моими любимыми писателями в отрочестве были Диккенс, Стивенсон. Любила «Квентина Дорварда» Вальтера Скотта, обожала пьесы Островского, потом пьесы Евгения Шварца, который был другом моего отца.

В детстве дома со мной занималась французским моя тетушка, в школе мне нравились уроки немецкого, который преподавала симпатичная пожилая учительница. Я и сама попробовала переводить какую-то немецкую сказку. Поэтому мне естественно было пойти на филологический факультет. Я хотела изучать какой-нибудь из скандинавских языков, так как мне очень понравились романы нескольких скандинавских писателей, в частности, Сигрид Унсет.

Но в том году не было приема на скандинавское отделение, и я поступила на английское. И не пожалела.

Расскажите, пожалуйста, в общих чертах о круге, который сложился вокруг Вас в 70-е годы? Имеется в виду, в первую очередь, социальное окружение. Были ли Ваши близкие друзья поэтами, переводчиками, режиссерами и т.п.? Состояли ли Вы в каких-либо клубах или общественных организациях?

Начинать надо раньше, так как многие знакомства начались еще в конце пятидесятых. Поскольку отец руководил литературным объединением, из которого вышли многие известные писатели, то я хорошо знала Александра Володина, Виктора Конецкого, Виктора Голявкина, Андрея Битова.

С конца пятидесятых я посещала семинары при Союзе писателей, которыми руководили блестящие мастера перевода: Лев Васильевич Хвостенко, Иван Алексеевич Лихачев, Эльга Львовна Линецкая. Тогда завязались дружбы с молодыми переводчиками, продлившиеся и в 70-е годы, а с некоторыми длящиеся и сейчас.

В 1963 году я вышла замуж за Якова Аркадьевича Гордина и к моим знакомым присоединились его друзья-поэты: Виктор Сошнора, Иосиф Бродский, Александр Кушнер. Поскольку он с середины 60-х до середины 70-х много работал для театров, то я была хорошо знакома с режиссерами Вадимом Голиковым, главным режиссером Театра Комедии, руководителем Лен. ТЮЗа Корогодским, Петром Фоменко, Львом Додиним. Это было очень интересное окружение. С Александром Кушнером и Львом Додиним мы дружим и сейчас. Остальных уже нет в живых.

Как я уже сказала, я посещала переводческие семинары, а потом с 1967 года стала членом Союза писателей.

Социокультурные реалии

Как Вы относились к правительству СССР? И как оценивали обстановку в стране в 60–70-е годы?

Я, как и мои друзья, оценивали обстановку в стране и вообще политическую систему негативно. Нас не устраивала лживая пропаганда, цензура, вмешательство партийных органов в культурную жизнь.

Я хорошо помнила, каким неприятностям подвергся мой отец после постановления 1946 года «О журналах “Звезда” и “Ленинград”»... Он был членом редколлегии «Ленинграда».

Мне была отвратительна память о шельмовании Зощенко и Ахматовой, которых мы любили и уважали. И вообще была жива в 1960–70-е года память и о репрессиях, и о «борьбе с космополитизмом». Как я писала, мои учителя-переводчики сами прошли ГУЛАГ. Ведь 1960–70-е годы не существовали сами по себе. Они были продолжением предшествующих десятилетий.

А в эти года меня лично коснулись события, которые не могли прибавить уважения к правительству и системе вообще. Был ошельмован и осужден в 1964 году наш с мужем близкий друг Иосиф Бродский. Были большие неприятности у моего мужа, подписывавшего письма с протестом против политических процессов. У наших друзей в 1970-е годы были обыски. Некоторые из них — например, прекрасный переводчик Константин Азадовский был осужден в 1982 году по сфабрикованному обвинению.

Я не хотела бы вернуться в те времена.

Было ли в кругу Ваших друзей или в семье распространено чтение самиздата? Если да, то откуда поступала запрещенная литература и какой она была по своему содержанию? Не возникало ли у Вас позднее мыслей о переводе чего-то, что было запрещено в СССР?

Разумеется, самиздат играл немалую роль и в жизни моих родителей, и в жизни моей семьи. Например, у отца был самиздатский экземпляр «Реквиема» Ахматовой. У него были рукописные и машинописные экземпляры книг Мандельштама и Гумилева, тогда запрещенных.

Были совсем парадоксальные ситуации. Например, ходил в самиздате переведенный очень известной переводчицей Калашниковой роман Хемингуэя «По ком звонит колокол» об испанской войне. Роман был запрещен в СССР.

Очень важен был «тамиздат» — запрещенные в СССР книги, изданные на Западе. Мы читали в «тамиздате» «Доктора Живаго» Пастернака, книги Солженицына, «Архипелаг ГУЛАГ» в том числе, книги Оруэлла. За хранение этой литературы можно было получить тюремный срок. Книги эти привозили иностранные ученые, студенты, аспиранты. Конечно, рисковавшие. Так, наш итальянский друг, аспирант-славист, привез нам собрание сочинений Мандельштама, изданное в Америке. Это была огромная ценность.

Нет, желания переводить такую литературу не возникало.

Как Вы думаете, верно ли, что интерес к некоторым авторам, книги которых распространялись в самиздате, был обусловлен их недоступностью в официальных источниках?

Отчасти — да, это бывало. Но главным образом интересовало содержание, а не политическая репутация.

В 1971 году Вы перевели рассказ Г.К. Честертона «Чудо Полумесяца». Откуда пришла идея переводить этого автора и кто был заказчиком? Мне казалось, что в те годы Честертон входил в число нежелательных для публикации писателей (и поэтом Н. Трауберг переводила его исключительно для самиздата).

Вы ошибаетесь. Честертон много переводили еще в 1920-е годы. Были переведены его детективные сборники и главные романы. Все это стояло на полках у моего отца, и я читала это с детства. Под запретом были его религиозно-философские сочинения. Ими и занималась по преимуществу Наталия Трауберг. Но она составляла и некоторые публиковавшиеся сборники.

Я перевела несколько рассказов Честертона. Сборники выходили преимущественно в издательстве «Художественная литература».

На одном из интернет-ресурсов, посвященных переводам Толкина на русский язык, встречается такое обоснование 10-летнего разрыва между переводами первого и второго томов «Властелина Колец» В. Муравьевым: «Продолжение перевода не выходило из-за идеологической неблагонадежности переводчиков». Как Вы думаете, что подразумевалось под «идеологической неблагонадежностью» переводчиков в те годы?

Да, переводчикам, заподозренным в «идеологической неблагонадежности», дорога в печать была закрыта. Получить обвинение в «идеологической неблагонадежности» было просто — слишком тесные контакты с иностранцами, зарубежная переписка, участие в любых протестах, например, подписи против политических процессов, против вторжения в Чехословакию в 1968 году. Какие-нибудь прослушанные телефонные разговоры. Дружба с гонимыми писателями. И так далее.

Насколько мне известно, Вы поступили именно на английский факультет по совершенной случайности, а не по собственному желанию. Впоследствии появилась ли у Вас любовь к английской литературе и к Англии в целом? Или Вам все же ближе культура иных стран?

Как я уже писала, желание поступить на скандинавское отделение было не очень продумано. Просто мне понравился прочитанный тогда роман Сигрид Унсет «Кристин, дочь Лавранса». Но поскольку приема в этот год на скандинавское отделение не было, то я вполне охотно поступила на английское отделение.

Именно англичан я читала и любила с детства, после того как отец прочел мне часть «Посмертных записок Пиквикского клуба» Диккенса. А дальше я уже читала сама. Мне было лет одиннадцать-двенадцать. Читала я Коллинза, Стерна. А чего стоит Стивенсон... Вот и Честертон стоял на полках у отца. Я читала его в разные периоды. Так что именно английская литература была мне ближе других великих европейских литератур.

Идею о переводческой деятельности Вам подал Иван Ефремов. Он же и присылал Вам научную фантастику для перевода. Насколько симпатичны Вам самой как переводчику и как читателю были жанры фантастика и появившееся позднее фэнтези? Откуда приходили заказы на переводы в более поздние годы? Вы брались за все переводы, которые Вам предлагали, или же переводили произведения «выборочно»?

С середины пятидесятых, с начала «оттепели», в нашей стране началось увлечение хорошей научной фантастикой. Это тоже был симптом раскрепощения. Основная литература была американская. Именно там работали знаменитые фантасты. Иван Антонович Ефремов, крупный ученый-палеонтолог, и сам начал писать научно-фантастические рассказы, потом и большие вещи. И, естественно, он хотел, чтобы я переводила научную фантастику, чтобы знакомить нашего читателя с лучшими образцами. И я переводила Айзека Азимова, Клиффорда Саймака, первоклассных писателей. В начале 60-х Ефремов прислал мне роман известного американского фантаста Чэда Оливера «Ветер времени». Он вышел в моем переводе в 1965 году. Дело было не только в рекомендации Ивана Антоновича. Я с детства с увлечением читала Жюль Верна.

Но я не собиралась заниматься только научной фантастикой. Одновременно я переводила классику. Первой большой работой такого рода был роман Вальтера Скотта «Приключения Найджела» для собрания сочинений. Я переводила половину романа. Была такая практика, чтобы обеспечить работой больше переводчиков. Разумеется, в том случае, если это были большие романы. Издательство «Художественная литература» в это время выпускало много собраний сочинений западной классики в новых переводах. И я стала регулярно получать работу такого рода. Я переводила для собраний сочинений Шекспира, Бернарда Шоу.

К фэнтези я была равнодушна, пока не встретила с таким замечательным образцом жанра, как «Хоббит» Толкина.

Зная возможности и вкусы, мои и коллег, издательства предлагали хорошую литературу. Мы и сами делали встречные предложения.

Что вдохновляло (и продолжает вдохновлять) Вас на перевод той или иной литературы и в чем Вы видите смысл своей деятельности?

Любовь к хорошей литературе и желание знакомить с ней читателя. Кроме того, это и профессия, то есть способ зарабатывать на жизнь.

Как начало семейной жизни повлияло на Вашу переводческую деятельность?

Когда родился сын, работать стало, конечно же, сложнее. Но тем не менее я работала регулярно.

Были ли Вы официально трудоустроены в 60–80-е годы?

Официальным трудоустройством было членство в Союзе писателей. Но там не платили зарплаты. Был период, когда мой муж оказался в «черном списке», что лишало возможности публиковаться, и я поступила на службу переводчиком в НИИ экспериментальной медицины, поскольку художественные переводы не были регулярным заработком. Мне это было привычно, поскольку с 1953 по самое начало 60-х я работала на той же должности в Научно-исследовательском ботаническом институте.

Как в те годы распространялись оригинальные тексты Толкина и его переводы и в каких кругах они вообще приобретали известность?

О распространении текстов Толкина ничего сказать не могу. Но могу утверждать, что в ленинградских переводческих кругах Толкин был в 70-е годы неизвестен. «Хоббита», которого летом 1974 года мне предложил почитать наш приятель писатель Игорь Ефимов, привез кто-то из его зарубежных знакомых. Судя по сведениям Марка Хукера, Толкина тогда уже знали московские переводчики. Но их явно интересовала трилогия. В постсоветской России, в том числе и в провинции, «Хоббита» стали переводить только в конце 80–90-х. Очевидно, толчком было издание книги в 1976 году в моем переводе¹.

Прочитав в начале 1970-х годов «Хоббита», Вы решили познакомиться с личностью автора. Какое отношение у Вас было лично к Толкину, когда Вы узнали о нем больше?

С личностью Толкина сколько-нибудь подробно я познакомилась позже. В период работы над «Хоббитом» я, побывав в Публичной библиотеке, узнала самое необходимое. Позже мне привезли из Англии книгу-альбом, посвященную Толкину, его про-

1. Толкин Дж. Р. Р. Хоббит. М.: Детская литература, 1976. 254 с.

фессиональной деятельности, его изучению кельтского фольклора. Там были его фотографии: очень симпатичный, типичный английский джентльмен, профессор. Но глубоко ни его биографию, ни его научную деятельность я не изучала.

В своих воспоминаниях Вы говорите о том, что «Хоббит» понравился Вам сразу после первого прочтения. Скажите, пожалуйста, в чем Вы видите философию данного произведения?

Да, мне он действительно очень пришелся по душе... Я не рассматривала книгу с философской точки зрения. Меня подкупил ее человеческий нравственный смысл. Толкин сумел показать, как человеческая доброта, порядочность, любовь к самым, казалось бы, простым ценностям — любовь к своему дому, например, — в минуты испытаний оказываются сильнее, чем воинский героизм. Это было непривычно для советских представлений с установкой на подвиг. И книга стала так популярна еще и потому, что люди — и дети, и взрослые — к тому времени уже устали от проповеди героизма. Можно сказать, что представления Толкина оказались близки к лучшим традициям русской классики — осознанию ценности так называемого «маленького человека». К тому же это просто увлекательное чтение.

Когда Вы сели за перевод «Хоббита», Вы делали это в первую очередь для себя. Но что побудило Вас отнести рукопись в издательство для дальнейшей печати? Тяжело ли было переводить Толкина?

Прежде всего мне просто захотелось [эту книгу] перевести. И было логично предложить ее издательству, чтобы ее могли читать. Тем более, что я предложила ее издательству «Детская литература». Было понятно, что детям это будет интересно и полезно.

Не могу сказать, что это была легкая работа. Простые на первый взгляд тексты переводить по-своему трудно. Нужно уловить настроение, авторский ритм. Иначе получится нечто примитивное. Текст Толкина при кажущейся простоте совсем не прост.

Вы прочли «Властелина колец» несколько позднее, чем «Хоббита». Скажите, какое впечатление у Вас было от этой книги? Почему Вы не захотели переводить «Властелина колец»?

Я читала первую часть трилогии. И поняла, что это не мое. Это огромная философская притча. Это не мой жанр.

О переводах Толкина

Знакомы ли Вы лично с кем-либо из переводчиков Толкина на русский язык?

Нет, не знакома.

Не могли бы Вы дать небольшой комментарий по поводу аналитики Вашего перевода Марком Хукером? Я знаю, что Вы уже давали прекрасный ответ на его субъективную критику некоторых моментов в «Хоббите».

Не кажется ли Вам, что М. Хукер в своей аналитике немного «перегибает палку», политизируя все, что можно и нельзя? Я говорю в первую очередь о моментах с такими выражениями, как алое знамя / красное знамя, Запад и Восток, написанные где-то с заглавной, где-то с прописной буквы, а также чересчур пристальное внимание к слову «план». Действительно ли находились такие переводчики в те годы, которые читали тексты Толкина исключительно через призму советских реалий и партийной идеологии?

Книга Хукера очень специальна и подробна. То, что он пишет о моем переводе, для меня лестно. Но я согласна с Вами — он предлагает слишком примитивное толкование мировидения Толкина. Оно, конечно же, не сводится к изображению реалий холодной войны и реального политического противостояния Востока и Запада. Конечно, это грандиозная и сложная картина борьбы Добра и Зла. Хотя просматривается и фашизм, и нацизм, и тоталитаризм разного рода. Но это не примитивная политология.

Думаю, что в 70-е годы Толкин интересовал тех переводчиков, для которых партийная идеология была чужда.

МАРИЯ ВИРГИЛЕВНА ЧЕПАЙТИТЕ

Расшифровка интервью, взятого Ларисой Бекасовой 16 марта 2021 года. Публиковалось в сокращении на сайте журнала «Своими словами». В настоящем издании публикуется без сокращений.

О Наталье Леонидовне Трауберг

Расскажите, пожалуйста, в общих чертах о том круге, который сложился вокруг Натальи Леонидовны Трауберг в 70-е годы?

В начале 70-х она возвращается из Вильнюса после развода с моим отцом. Круг общения — Владимир Муравьев, Сергей Аверинцев, круг общения отца Александра Меня, сам Александр Мень в большой доле. Другие, например, Роберт Минлос — но это тоже круг А. Меня. Там было огромное количество друзей. А из близких интеллектуальных друзей — это именно Владимир Муравьев, Сергей Аверинцев и Николай Котрелёв. Это самые близкие.

Любовь Натальи Леонидовны к английской литературе берет свое начало в детские годы. Можно ли сказать, что из этого вытекает некая романтизация образа Англии в более поздние годы? И какой именно Англии, современной или исторической?

Романтизация Англии была у нее всегда, это берет начало именно в ранние годы и те годы после войны, когда она стала много читать по-английски. Это берет начало в Честертоне, который сам романтически представляет Англию. Честертон ей достался в наследство от отца, потому что он был любимым писателем Леонида Захаровича. Огромное количество на это ссылок есть и в «Самой жизни»¹, и на сайте trauberg.com.

Какой след оставила в жизни Н.Л. [Трауберг]² первая поездка в Англию в 1967 году?

Ну след такой, что, во-первых, она там вела себя совершенно невменяемо. Повез ее дед, сделав ради любимой дочери некоторый финт ушами, ведь на самом деле он должен был ехать с женой. Тогда делались такие поездки кинематографистов

1. Трауберг Н.Л. *Сама жизнь*. 2-е изд. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. 440 с.

2. Здесь и далее в квадратных скобках примечания редактора.

за рубеж, в основном это были партийные или КГБ-шники, но иногда и признанные, успешные люди, которым от Союза разрешали ехать в поездку.

В поездке надо было, конечно, соблюдать всяческую дисциплину КГБ-шную, но дед записался с женой и было понятно, что это старшее поколение — пуганое, перебитое и так далее. А в последний момент он сделал этот финт ушами (потому что он был веселый человек) — сказал, что жена заболела. Может, она и на самом деле заболела, но я думаю, что он просто хотел вывезти маму, потому что для нее эта поездка была осуществлением всех ее мечт.

И он взял дочку с собой в группу киношников, где надо было себя вести прилично. А она повела себя ужасно: удрала к секретарю Честертона, которая была еще жива, не помню, как ее зовут, она с ней встречалась. Еще удрала от группы встречаться с такой Камиллой Грей — это была замечательная английская искусствовед, которая потом вышла замуж за друга родителей, Олега Прокофьева, и ее отношения с Советским Союзом были крайне напряженными. Одним словом, сколько мама там сделала всего того, чего нельзя — это описать невозможно.

Потом она все время рассказывала про секретаршу Честертонна, с которой встречалась, но не говорила о том, что в семье было за ее побеги от группы, что говорил дед. Для нас, детей, главным было, что мама привезла фигурки, чтобы запекать в пудинг на Рождество, и папа их честно запек — помню слоника и колокол. О семейной истории на самом деле ничего, кроме эмоций, рассказать не получается. Но все равно рассказываешь. Потом, конечно, мамина поездка была невероятным событием для всех родительских друзей, потому что никто из смертных (их поколение, конечно) в Англии не был.

Насколько симпатичны Н.Л. [Трауберг] как переводчику и как читателю были жанры фантастики и появившегося позднее фэнтези?

Абсолютно несимпатичны, она этого не любила. Иногда читала Станислава Лема, потому что его любил и дружил с ним мой отец. Ей такая литература не нравилась. Она говорила, что к этому относится как к греческим мифам. Античную мифологию она не любила, вот и фантастику и фэнтези тоже не любила. Книги Толкина и Льюиса она воспринимала не как фантазии, а как притчи на евангельские темы.

Поэтому она, например, любила «Мерзейшую мощь» из космической трилогии К.С. Льюиса. Она начало, первые две книги, как-то не очень воспринимала, ей Аверинцев сказал прочитать «За пределы безмолвной планеты» и «Переландру», но она их не полюби-

ла. Ей понравилась заземленная третья часть, «Мерзейшая мощь», которую она и перевела для самиздата.

В жизни Н.Л. [Трауберг] были люди, которых она называла «особенными». При этом «самыми особенными» в своих воспоминаниях она называет Томаса Венцлову и Владимира Муравьева. Почему именно они? И как сильно эти люди повлияли на жизнь Натальи Леонидовны?

Это совершенно разные отношения. Томас Венцлова — тот человек из литовцев, к которому она была больше всего близка интеллектуально. У нее всегда была проблема, что людей, которые знают столько, сколько она, мало. И поэтому ей приходилось быть все время в роли лектора. Мама очень много рассказывала, не раз в 60-е годы вела лектории для знакомых об истории литературы, католичестве, богословии и т.д. Я на этом выросла: мама сидит, говорит, вокруг сидят люди и даже записывают. У меня есть копии этих записей про историю Церкви, кто-то ее как лектора записывал в 60-е годы (при этом сокращенно, и сейчас, к сожалению, ничего разобрать нельзя).

Поэтому и был выбран Томас Венцлова, который мог и ей что-то рассказать, потому что он много читал и не менее много думал. И при этом был поэтом. Так они до конца жизни и разговаривали... Томас уехал в 1977 году, а вернулся в 1988 году, т.е. он исчез на десять лет, был только в письмах. Это одна история, кого она выбрала в друзья в Вильнюсе, когда вышла замуж за моего отца. Остальные вильнюсцы были скорее в стиле польского Славомира Мрожека. Она там дружила с Пранасом Моркусом, Юозасом Тумялисом. Юозас Тумялис тоже был очень образованный, но он был не «игручий». А она очень ценила «игручестъ ума», как она это так называла. «Игручим» был Аверинцев, «игручим» был Томас Венцлова, а вот Владимир Муравьев — это совершенно другая история.

Наверное, можно где-то найти, когда она познакомилась с Ириной Муравьевой. Скорее всего, когда все возвращались из лагерей, она появилась и стала маминой старшей подругой. Мама тогда очень искала эту «игручестъ» и юмор в людях, у Ирины все это было, и мама ее очень любила. У Ирины были двое сыновей, которые были гораздо моложе мамы, для нее как бы мальчишки — Володя и Лёдик. Она подружилась и с ними, а потом, через несколько лет, она вышла замуж за человека, который был их ровесником. Отец моложе матери на девять лет. И тем самым братья, особенно Володя, который был филолог и интересовался тем же, что и она, стали как бы ей равными. После ранней смерти Ирины Муравьевой Володя стал главным из маминых друзей в Москве. У мамы с Володей были непростые

отношения: они и дружили, и сильно друг друга мучили. Мама для него была старшей подругой, в некотором смысле такой Беатриче; сначала он с ней согласовывал все, что было в его жизни, творчестве и всякое, потом их отношения были разными. <...>

Но он на самом деле был именно интеллектуальным ее другом, умным, как и Томас, но очень сильно русским. Так что Вы правильно называли главных, но у них корни совершенно разные, откуда они в маминой жизни появились. С Муравьевым дружба была сложная, а Томас очень ее поддерживал, я особенно хорошо это вижу сейчас, поскольку Вы правильное время выбрали, когда спрашивать. Сейчас я расшифровываю мамину переписку советского времени с Томасом и делаю к ним комментарии вместе с адресатом. И вижу, какой у нее круг, очень четко видно, кто главный.

Каких людей в жизни Н.Л. [Трауберг] можно называть учителями, на которых она равнялась или, может, хотела бы быть похожей?

Вот тут загадка. У нее были учителя в Ленинградском университете, которых она очень уважала, но она сама была всегда ни на кого не похожей. Она, во-первых, никогда не училась в школе, как Аверинцев, и это у них с Аверинцевым было общее, роднящее. Уже после войны, когда она попала в университет, а она попала еще в не разогнанный университет и училась у каких-то невероятных личностей. Это тоже надо смотреть по ее воспоминаниям, тогда это были для нее авторитеты. А потом она вышла в такое одинокое плавание. Из старших друзей, к которым она с пиететом обращается — та же Ирина Муравьева, например, но это человеческие вещи, а не ученические.

Как у верующего человека, у нее всегда были учителя-священники, к которым она обращалась с пиететом, в том числе и Александр Мень, который ее помоложе. Но и он обращался к ней с пиететом, так что тут тоже непонятно. Она очень много ему дала, и для его книг, и для всего. Литовский священник Станислав Добровольский тоже для нее был моральным авторитетом.

А в смысле интеллектуального авторитета — не знаю, это всё авторы книг... Фома Аквинский! Фома Аквинский ее авторитет. Хотела ли она быть на него похожей? Нет, не хотела. Хотя все время говорила, что ест тоже много и скоро тоже станет толстой, как Фома Аквинский.

Никакие Анны Ахматовы и те, кем увлекался ее круг, маму совершенно не интересовали по простой причине — это были знакомые ее родителей. Это просто человеческий фактор — никакого обмира-

ния от того, что ты видишь поэта Серебряного века, у мамы не происходило.

И, конечно, очень важным нравственным авторитетом, о чем мама много где говорит, была ее няня, простая крестьянка Гликерия Яковлевна, умершая в блокаду.

В своих воспоминаниях Н.Л. [Трауберг] употребляет следующие слова: «боюсь людей искусства». Что это могло означать и с чем связана эта «боязнь»?

Людей искусства она боялась исключительно потому, что сама, как я только что сказала, была из круга искусства. Киношники со всеми общались. Боялась она людей искусства как человек верующий и думающий, что искусство очень провоцирует гордыню. И поэтому она, например, сознательно не стала писателем, хотя писала очень много, у меня много ее самиздата, стихов и эссе. Писала она замечательно, но она не разрешала себе писать, и решила для себя, что будет просто переводить те книги, которые хочет. Это было связано не только с цензурой (поскольку никто бы не выпустил то, что она пишет), но и с тем, что она может не пережить вот этого порога ожидания славы. Она видела, как это бывает болезненно, какие бывают страшные обиды и какие поражения может получить человек, который пошел по этому пути. Она часто говорила об опасности этого пути и о том, что христианину он вообще еще втройне опаснее. Это все можно найти, она много об этом пишет. Потому она и боялась — поскольку это огромное искушение.

Как Вы думаете, что имеет в виду Н.Л. [Трауберг], говоря о том, что ей «несимпатична любая история», отвечая на вопрос о том, симпатична ли ей история России?

Потому что она, как девушка нервная, всегда содрогалась от всех ужасов и кошмаров истории, в том числе и в истории Церкви. Инквизиция была просто ее личным несчастьем. Она содрогалась от ужасов, которые есть в истории любой страны, а знала она историю как никто. Именно это и имеется в виду: что любая история очень жестока и поэтому ей она несимпатична.

О переводческой деятельности и самиздате

Было ли в кругу Н.Л. [Трауберг] распространено чтение самиздата? Откуда поступала запрещенная литература и какой она была по своему содержанию? Запечатлелись ли в Вашей памяти какие-то примечательные моменты, связанные с этим?

Ну, как оно могло быть не распространено, если они сами его издавали. Вся моя жизнь прошла в самиздате. Я родилась на самиздатских книжках, которые печатал мой папа, и мама в самиздате была вплоть до перестройки, потому что отец Александр Мень попросил ее участвовать во всяких религиозных самиздатских изданиях. А когда она вернулась из Вильнюса в Москву, это было просто ее постоянным занятием, существованием. Ей приносили какие-то книги, она из них выбирала, что перевести, или сама искала книги. Это была фабрика такая у отца Александра в 70-х. А до этого дома у нас была игра моих папы и мамы в свободу, которая хотя бы дома, но есть. Это были тонны машинописи, но, к сожалению, очень мало из этого сохранилось. А перевод любимых авторов, которых нельзя напечатать, было одним из любимых занятий у всех: у Томаса Венцловы, у мамы, у многих. В маминой жизни самиздат начался с Григория Померанца, именно когда был женат на Ирине Муравьевой, это короткий срок, когда они вместе делали самиздат, делились им. Куча людей была задействована, и это все шло наравне с лекциями о всяком умственном. Такая просветительская деятельность, для них она была нужна как воздух. «Что еще напечатать? Что мы будем еще переводить? А вот давай это, давай этого...». Это ее достояние.

Откуда поступала запрещенная литература? Все друг другу носили, кто что-то найдет, у кого-то была возможность в закрытые фонды входить, в Литве была прекрасная возможность присылать книги из Польши. По-польски было выпущено очень много всего, чего не было по-русски. Мама не знала польского, об этих книгах рассказывали литовцы, была возможность через Польшу присылать какие-то полезные новинки. Я бы не сказала, что это были запрещенные книги, запрещенной была политическая литература, а другое просто не доходило, неоткуда было узнать, что эти книги существуют.

Мои родители не были диссидентами, это надо сразу сказать. Диссидентом позднее, в 70-х, стал Томас Венцлова, который вошел в Литовскую Хельсинскую группу перед отъездом. Но родители дружили с диссидентами, много общались с ними, и ему было понятно, что сами они тоже ненавидят советскую власть. Нет, именно что — не ненавидят, а как-то вынуждены в ней находиться и поэтому образом жизни создают нравственное сопротивление, не ввязываясь в советскую жизнь. И что будут плодить свое творчество — вот это они делали замечательно.

Диссидентством как борьбой с советской властью они не занимались. Маме даже не предлагали быть подписантом, потому что она не работала на службе. Тогда диссидентом можно было стать нечаянно: работаешь в каком-нибудь институте и по рукам идут подписные

письма против советской власти, и человек если не подписывается, чувствует себя подлецом, а если подписывается — его выгоняют с работы. Это была такая нравственная дилемма абсолютно для всех интеллигентов в 70-е годы. Подписывались, чтобы остаться приличным человеком, а потом лишались работы и после этого чаще всего уезжали. Никто моей маме не предлагал подписываться, поскольку она просто состояла в переводческой секции в Союзе писателей, и поэтому ей не надо было решать эту дилемму.

Она очень уважала диссидентов, но сама считала, что, если бы ее вызвали в КГБ, она не знает, как бы себя вела. Поэтому очень легко прощала всех, кто не выдержал допросов и т.д. Ну и с христианской точки зрения тоже.

Н.Л. [Трауберг] говорит о том, что начала свою самиздатовскую деятельность с простых подарков личных переводов друзьям. Какой смысл она придавала этим подаркам?

Просветительский, исключительно просветительский. Порадовать ближнего тем, что он может, не зная языков, увидеть, что есть прекрасного в мире. Все время плодила переводы, всех радовала. Смысл — обрадовать, и чтобы узнали, что вот какой-то умный человек о чем-то важное рассказал.

И что вдохновляло Н.Л. [Трауберг] на перевод той или иной литературы для самиздата?

Личное совпадение с автором, т.е. когда она понимала, что это ей интересно, она считала, что это надо переводить друзьям. Все очень просто.

Расскажите, пожалуйста, о «Ёлочке».

Оно стало очень знаменитым (постфактум) благодаря тому, что там вышла первая книжка стихов Томаса Венцловы по-литовски. Это в Вильнюсе. Я думаю, на мамином сайте есть про это, или посмотрите в «Домашних тетрадах». Я там в комментариях провела расследование. Я записывала за Пранасом Моркусом, Томасом Венцловой и мамой, папа у меня не помнит, он вытесняет эти годы, какие самиздатские книжки вышли именно в «Ёлочке».

«Ёлочка» — это короткий период, примерно 1958–1963 максимум, надо посмотреть, я не доверяю своей памяти, особенно в числах. Но я представляю себе, где это происходило: выпускали и в Москве, и в Вильнюсе. В московских книжках участвовал Григорий Померанц.

Я составила перечень того, что совпадает у всех рассказчиков, например, точно в «Ёлочке» выпустили в мамином переводе пьесу Ионеско. Но одни мне сказали, что переведен был «Носорог», другие — что переведен «Урок». И все настаивают на своем, возможен вариант, что мама перевела и «Носорога», и «Урок» — не знаю. Сей-

час я кстати нашла, уже сама не помню какая пьеса — «Носорог» или «Урок» — хранится в главном литературном архиве. Может быть, мама отнесла перевод в какой-то советский журнал, и он попал потом в ЦГАЛИ.

Известно, что самиздатские переводы Н.Л. [Трауберг] время от времени печатал Владимир Муравьев. Какой была его роль в этом процессе?

Поскольку я Вам сказала об отношениях Муравьева и мамы — да, Владимир Муравьев мог печатать все, что делала мама, но, кроме того, это перепечатывали еще энное количество людей. Огромное количество людей перепечатывали ее самиздат. Так что его роль — как близкого друга, мамина роль — как советницы при переводе Честертона и Толкина, и, вообще-то, о чем только они не советовались. Они были переводчиками двух разных школ, и поэтому это тоже обсуждалось. Мама не была согласна с его стилем перевода, он не согласен с ее стилем, это известно. Об этом, по-моему, говорил или писал его сын, Алексей Муравьев. Поэтому они и советовались, и спорили, и так далее. А самиздат просто все перепечатывали, у кого была машинка, так что его роль такая же, как у всех.

Влияние христианства

Насколько сильным было влияние отца А. Меня на переводимую Н.Л. [Трауберг] литературу? Давал ли он ей какие-то рекомендации или их интересы в большей степени совпадали, как, например, это было с Честертоном и Льюисом?

Могу сказать, что Льюиса она получила как раз от отца Александра. Также, по-моему, от него она получила Саймона Тагуэлла, это надо посмотреть. То есть ему кто-то присылал книги обходными путями по-английски. Он умел читать на всех языках, но все языки знал плохо. Мама всегда подчеркивала, что он гениально прочитывает любую книгу — быстро проворачивает, на любом языке, и делает вывод, надо это нам в самиздате или не надо. Он был невероятно способным человеком. И при этом он еще соображал, прочитывая, кому из переводчиков это будет близко. Он старался давать книги тем переводчикам, которым они должны понравиться. И с мамой он всегда точно попадал, потому что они были очень близкие люди.

Честертон возник у мамы совершенно не от отца Александра Меня, а наоборот, отец Александр читал ее Честертон в самиздате раньше, чем они познакомились.

В интервью Сергея Бычкова журналу «Новый мир» за 2010 год говорится о том, что Сергей Сергеевич Аверинцев называл Н.Л. [Трауберг] «филологом-миссионером».

Да, она и была филолог-миссионер.

В чем сама Наталья Леонидовна видела смысл своей деятельности, ради чего она переводила?

Это я уже сказала. Филолог-миссионер — очень красиво.

Известно, что в 70-е годы некоторые представители интеллигенции массово начали обращаться к церкви. Однако Н.Л. [Трауберг] отмечает, что многие из них вступили в ряды верующих совсем не ради веры, а ради получения доступа к новым знаниям, выраженным в многочисленных изданиях «запрещенной» литературы (например, Льюиса, Честертона). Верно ли утверждение о том, что интерес к этим авторам был обусловлен их недоступностью в официальных источниках?

Нет. Интерес к христианству возник в некотором смысле как сопротивление окружающей действительности. Интерес к данным авторам был не из-за того, что они были запрещены, это скорее можно сказать о каком-нибудь тамиздате о политике, тоже очень любопытная тема. А вот христианскую литературу они читали, потому что хотели понять... Поскольку они были неофитами, в отличие от мамы и отца Александра, и они хотели понять про Бога и про веру. Это было очень трудно в практически выжженной коммунизмом земле. На самом деле очень трудно. Поэтому Литва, в которой Советская власть наступила в 1944 году, казалась совсем другой, там можно было встретить очень многих людей, которые не боялись сказать, что они верующие. И они по-настоящему верили и не считали это ничем особенным, в то время это было огромным отличием.

Да, интеллигенция пошла в церковь. Часто это была еврейская интеллигенция, но она была и техническая, и филологи, разные люди, и они пошли в церковь, ничего о ней не зная, как вот в такое сопротивление бессмысленности. И мама в своем любимом облике лектора и миссионера-филолога тут же заняла какое-то очень важное место во всех интеллигентских кругах. Потому что у нее можно было обо всем спросить: и про историю Церкви, и про католичество, и о разнице христианских конфессий, и о любом Ватиканском соборе. Был живой человек, который все это знал. Это было невероятно, и ею тогда пользовался не только круг религиозных диссидентов, но пользовалась и русская православная Патриархия, например. Маме заказывали переводить «L'Osservatore Romano» — ватиканскую

газету — потому что им надо было знать, о чем думает враг-католик. Она единственная знала, как термины католические звучат по-русски. Это была ее уникальная особенность, которую все использовали. Поэтому да, она была невероятный просветитель.

А пришедшие в церковь искали любой клочок бумаги, на котором кто-нибудь несоветский написал о Боге, о нравственности. Это было очень важно, это было по-человечески важно, поэтому я не думаю, что если бы Льюиса вдруг напечатали (сойдя с ума) в советской прессе, то на него не накинулись бы. Нет, сама ситуация была обусловлена тем, что была несвобода, и поэтому они пошли в церковь. Они воцерковились от мерзости существования, а все эти книги были возможностью вдохнуть воздух. И мама этот воздух поставляла центнерами.

Действительно ли находились люди, для которых «Властелин колец» послужил одним из первых толчков к христианству? Известны ли Вам случаи подобного обращения в христианство после прочтения Толкина? И во что в дальнейшем вырастала подобная вера?

Нет... Я не знаю таких людей. Я представляю себе, что такое могло быть от книг — например, сказки Нарнии читались как апология христианства. Сказки такие и есть, хотя автор это зашифровал, а русские читатели, наоборот, только это и видели. Льюис писал, понимая, что церковь в Англии уже не так уважаема, поэтому ему хотелось так написать, чтобы это было не о церкви, не о Боге, а по-другому.

А советский человек различал что-то похожее на разговор с Богом в любой книге. Это от нищеты духовной, отсутствия такой литературы и от отчаяния. Если кто-то к христианству пришел от Толкина, не слышала, но почему бы и нет.

Это упоминается при докладе Н.Л. [Трауберг] как ответ одного из зрителей в зале: «Вы сказали, что неявная проповедь Толкина в “Властелине колец” успеха не имела. Мне же кажется, что я знаю по крайней мере несколько человек, для которых “В.К.” послужил одним из первых толчков к христианству», — филологический доклад «Толкин и непотворение».

Да, вспомнила, я видела мамины слова про это. Если она имеет в виду Муравьева, то он к отцу Александру не пошел, он решил уйти в католичество, и Толкин для него был необычайно важен. Была долгая история — Владимир Муравьев и католичество. В том числе эта история задела и Венедикта Ерофеева, который тоже крестился в католичество, тут виновата, конечно, и мама, кроме

их образования и любимых книг. Тут два фактора — их образование и мама. Но как-то они потом от этого избавились, насколько я знаю.

А тут Толкин... Эту историю с Толкином я не очень знаю, я тогда росла в Вильнюсе с отцом. В эти годы, 70-е, я только иногда приезжала в Москву, и не помню, о чем они беседовали. Я вижу отголоски этого в маминых письмах, в переписке с Томасом Венцловой. Не могу уверенно говорить, просто не знаю, кого она имеет в виду. Кто-то из окружения Муравьева, а может, кто-то более молодой, потому что за ним появился целый хвост из более молодых, которые как раз и были первыми почитателями Толкина.

Где Н.Л. [Трауберг] была официально трудоустроена в 70–80-е годы?

Ну вот, как я Вам уже говорила — нигде, слава тебе господи!

Бывало ли такое, что она отказывалась от какого-либо «легального» заказа, и почему?

От легального заказа она могла не отказываться по очень простой причине: она славилась как безотказная, брала все переводы с испанского и португальского. Ее очень уважали, она считалась одним из самых лучших переводчиков, поэтому у нее всегда были заказы испанских и португальских авторов. Ее любили в издательствах за невредность и давали ей на перевод на самом деле симпатичные книги. Она переводила более-менее не просоветские книги, в которых не было пропаганды, агитации против религии или еще чего-нибудь. У нее были любимые авторы из заказанных: она с удовольствием переводила Камило Хосе Селу, Анну Марию Матуте, она их очень полюбила. Были какие-то проходные книги, которые она переводила, просто чтобы семью кормить. Она зарабатывала в моем детстве больше, чем мой отец.

Отец (гений в некотором смысле), будучи литовцем, переводил с литовского на русский, не родной язык. Переводил на русский и с польского, вот Лема переводил, также переводил книги на литовский язык с английского и польского. Он первым перевел на литовский «Винни Пуха» [в 1958 году — прим. Л.Б.], тогда они с мамой и познакомились, когда он, студент Литературного института, переводил «Винни Пуха». Работали оба как волы, оба абсолютные трудоголики, мама — сидя, лежа, стоя, не знаю как, все время своим ровненьким почерком, чаще всего зеленой ручкой, переводила километры и успевала еще и лекции читать, и в самиздат переводить, и все что хотите.

У нее не было проблем с работой, потому что она, во-первых, все выполняла вовремя, во-вторых, ее переводы были блестящие, и поэ-

тому она в некотором смысле могла выбирать. Она состояла в Союзе писателей с какого-то неприличного возраста, очень раннего. Благодаря этому мои родители, например, получили квартиру в Вильнюсе, когда мне было года три. Потому что, когда она переехала в Вильнюс, ее стаж в Союзе писателей (а стаж автоматически перевелся из московского на вильнюсский) был один из самых больших, хотя лет ей было не так уж много. Потом в Москве она спасала диссидентов, чтобы их не осудили за тунеядство, взяв их в секретари, — как у члена Союза писателей, у нее мог быть секретарь.

Но она никогда не зависела ни от каких структур, кроме единственного раза, когда после окончания университета она преподавала в Ленинградском педагогическом институте, это было распределение. После чего из-за космополитизма отца ее оттуда выкинули. Она уехала в Москву, родители так решили, чтобы она лучше жила в Москве, подальше от несчастий отца, и ее по знакомству устроили в военный институт иностранных языков. До сих пор за ней какой-то шлейф идет, что там не могли работать не стукачи, это смешно — ее на самом деле по блату устроили военных учить испанскому. Это было спасением — работа какое-то время, хотя она ужасно боялась этого военного института, потому что там была абсолютная казарма. Как раз работая там, после смерти Сталина она услышала по радио, что освободили врачей-убийц. И после этого, когда уже стало пахнуть «оттепелью», она из института ушла и нигде больше «на службе» никогда не работала.

От легального заказа мама могла отказаться из-за чего-нибудь неприличного в книге или очень жестокого. Но неприличного и так не было, это все вырезали. Вот сейчас у меня меня попросили восстановить 20 страниц из «Города и псов» Марио Варгаса Льосы. Спрашивают: *«Эти страницы не были напечатаны, наверняка они переведены мамой, осталась ли у меня рукопись?»* — *«Да ничего у меня не осталось, потому что мама все уничтожила!»* Только она переводила книгу — она уничтожила рукопись перевода.

О Толкине

Н.Л. [Трауберг] в одном из интервью говорит, что впервые прочла Толкина в 1970 году, когда в СССР его «читало человека три». Кто и когда познакомил Наталью Леонидовну с творчеством Толкина?

Сейчас я попробую по поисковику у себя поискать. Мне кажется, что в неопубликованных еще письмах Томаса и мамы

как раз есть упоминания Толкина. Но, может, и не получится, т.к. они всё зашифровывали в письмах. Поэтому если сама фамилия Толкин не упоминается, то это найти можно будет только потом, когда я буду всё разбирать. К этим письмам должен быть огромный комментарий, одно издательство, кстати, уже обалдело от количества сносок и отказалось. Я теперь думаю, может, выпустить эту переписку как пьесу: сначала действующие лица, их предыстория, потом набор стихотворений, на которые они всё время вставляют внутренние цитаты, потом набор книг, которые, как им, безусловно, кажется, знает каждый, и они постоянно на эти книги ссылаются. Очень красиво оба пишут, но понять почти ничего нельзя.

Так, смотрим. Ну, к сожалению, на Толкина ничего не вылезает. Мы с Томасом Венцловой сейчас в работе, закончим в мае³, насколько я помню, что-то было.

[Одно из писем] я Вам прочитаю для примера, как мама разговаривает в письме с Томасом Венцловой, имея в виду цензуру. Он только что эмигрировал, она сидит в Москве.

«Из мира науки: в признаках брака не все точно. Начнем с того, что христианство, действительно, рекомендует б) и д), и даже просто б) (как вы знаете, до ~ Тридентского собора на д) почти и чихали, возлагая надежды на “знакомые знают” и прочее давление среды, а заодно и совести, а если ее нет — традиции, точнее — механического повторения, Man'a). Но в том-то и штука, что рекомендует христианство б), а ловит на а) и даже на каком угодно знаке “беру на себя жизнь этого человека”. Есть такой знак — хлоп! — и ты связан не на жизнь, а навеки; хотя в раю и не женятся».

Дальше не буду читать, потому что у Вас перекосятся мозг. Поэтому, я вот сейчас смотрю, 7-я сноска — на Муравьева. Это письмо 1977 года.

Кто-то, а кто?.. «...Живет теоретически в том доме, где теперь живет не к ночи быть помянут Муравьев». Вот, пожалуйста.

И вот Ирина Муравьева где-то тоже есть. А вот тут Томас пишет, что он с Гришей Померанцем что-то делают, уже на расстоянии, это уже конец 1988 года.

Да. Ничего не могу сказать. Не все восстановимо. Ну, я Вам говорю, что не знаю, какая это была книга, но повсюду они находили христианские аллегории.

Тем более мама очень много рассказывала об общении Толкина и Льюиса, о клубе «Инклингов» и так далее. Это она очень хорошо

3. Интервью проводилось зимой 2021 года. В мае 2021 года М. Чепайтите и Т. Венцлова закончили работу над книгой под рабочим названием «Божественная Натали», в которую вошла переписка Натальи Леонидовны и Томаса за период с 1977 по 1988 год, а также развернутые комментарии составителей. К моменту публикации этого материала книга пока не издана.

знала, и это путали с другими ее рассказами. Для нее они были близки нравственным императивом, который тогда был в СССР абсолютно запрещен. Вот против чего они боролись, против этого запрета. И в любом чихе свободного мира, где был нравственный императив, они видели христианство.

Откуда приходили иностранные произведения и где можно было их прочитать? Как, в сравнении друг с другом, в те годы распространялись оригинальные тексты Толкина и его переводы и в каких кругах они вообще приобретали известность?

Н.Л. [Трауберг] много говорит о том, что Толкин, в одном ряду с Льюисом и Уильямсом, были для нее «духовным спасением». Однако сам Толкин, говоря о своих произведениях, отмечал, что никаких христианских аллегорий в свои тексты не закладывал. Почему Н.Л. [Трауберг] читала Толкина сквозь призму Льюиса, видя в книгах первого христианские аллегории? Какое место в одном ряду с Льюисом занимал Толкин и почему Наталья Леонидовна считала его «духовным спасением»?

«Духовным спасением»... Вы знаете, это она говорит, наверное, все-таки я не могу смириться, в каком-то выступлении про Толкина, да? Тогда надо добавить, что мама еще была и вежливым человеком, это я должна сразу обговорить. Если шла речь о Толкине, то что же она должна была сказать людям, которые его любят и которые всерьез считают, что он гений и тому подобное? Конечно, она должна была сказать хорошие слова. Но в моем представлении никаким таким безумным и крайне важным авторитетом Толкин для нее не был.

Таким авторитетом какое-то время был Льюис, в котором она, переводя практически все его главные трактаты (или попросив кого-то перевести для самиздата), разочаровалась. А Толкина она читала... нет, она его даже читала с трудом. Да, конечно, она его прочитала, но поверьте — то, что она о нем говорит хорошо, это ее вежливость. Представьте себе, просят тебя рассказать о его книгах, и ты понимаешь, что да, в то время, когда я его читала, он что, не давал мне поток воздуха и не был полным противопоставлением тому кошмару, в котором мы жили? Да, был. И на этой волне она сумела приобрести любителей Толкина.

Я думаю, что это так, потому что в семье, например, Толкин был «муравьевским» писателем. Я могу сказать, что Льюис был ее, а Толкин — муравьевским. И у него была компания такая именно толкиновская, а мама в ней не была.

Зато она очень любила вот эту Инклинговскую дружбу, безумно любила. И она очень любила Уильямса, она считала его книги

очень трогательными и даже, по-моему, сподвигла кого-то на первые переводы его книг. Он был как раз осмысленно христианским, в отличие от этих двоих: Льюис метался как сумасшедший, Толкин вообще считал, что все под вопросом. Не знаю, что она тогда про них читала и где можно было тогда про них прочесть, но для нее именно эта дружба совершенно разных людей, которых объединяют духовные беседы и для которых тот самый императив абсолютно неоспорим, то есть это как данность — такая картина, что где-то сидят три мужчины, пьют пиво, едят курицу (она сама это очень любила) и рассуждают о духовном — для нее было образом Рая. Это факт.

То есть Толкин скорее любим ею как время Инклингов. Потому что не любила она Толкина, не считала его главным. Потом она совсем растерялась, когда началась вокруг него свистопляска. Она к нему очень хорошо относилась, но вот так говорить, что он для нее кто-то особенный, я считаю, что все это ее вежливость.

О переводах Толкина

Наталья Леонидовна в своих воспоминаниях часто говорит о Толкине, известно, что она познакомилась с его творчеством раньше, чем с творчеством Льюиса. Но при этом за всю свою жизнь она ни разу не переводила его книги. Как часто Н.Л. [Трауберг] упоминала Толкина в реальной жизни? Владимир Муравьев, который видел во «Властелине колец» аллегория «противостояния добра и зла», с большим рвением принялся за перевод, а Наталья Леонидовна, которая трепетно относилась к религиозной составляющей произведения, говорила, что «не смеет прикоснуться» к переводу Толкина⁴. Что стояло за этим «не смеет»?

Не смеет прикоснуться — это она говорила. Кроме того, что первым прикоснулся Муравьев, а она старалась с ним не спорить, когда он говорил, как надо переводить. Она считала, что переводить Толкина очень трудно.

Не его одного — например, ее последним любимым писателем, когда она к концу жизни успокоилась и перестала быть лектором, был Вудхауз. Она его очень любила, но рассказов о Берти Вустере никогда не переводила — говорила, что для нее это слишком сложно. Были тексты, которые она считала, что не будет «распутывать», потому что перед тем, как переводить какую-то книгу, она делала

4. Витковский Е.В. Интервью для Арды-На-Куличках 11 мая 2004 г. URL: [link](#) (06.01.2022).

огромную работу именно по тому, как она написана и можно ли передать это по-русски. То есть каждый раз надо было находить какое-то решение. И Толкина она не брала, считала, что не ее.

Для самиздата она старалась переводить то, что у нее само собой идет, они все так делали, кстати. Каждый находил себе подобное, потому что это ведь не заказ, ты переводишь по любви. Вот к Толкину, именно к его языку, такой любви не было, она понимала, что любой перевод начинается с языка, нужно найти ключ, как он звучит по-русски. Но для него она не хотела этого ключа находить, может быть, не потому, что не любила, а просто считала, что для нее это слишком сложно. Он слишком чужой. Вот это я точно знаю, что в смысле языка он был чужой, конечно, она решала и не такие сложные задачи, но тут она не захотела.

А кроме того, я думаю, это еще и потому, что когда кто-то из переводчиков первым брался переводить какого-то писателя, то соваться уже считалось не очень приличным. Людей было много, которые занимались переводами в самиздат, и у каждого были свои какие-то любимые авторы. Они ими обменивались, пересказывали друг другу про своих любимых.

Тут вот в письмах Томасу Венцлове я вижу, как она «Мерзейшую мощь» просит достать за границей и прислать. По ее словам, это увлечение Аверинцева, Сережа принес книжку, и ей хочется еще что-то прочесть. Но она так же часто просит Томаса прислать какую-нибудь книгу о святой Терезе, про которую ей очень хочется перевести. То есть на самом деле книги, которые она просит у Томаса, чтобы он прислал из Америки, совершенно разные. Ее очень интересовали книги и о вере, и об истории, то есть ее многое интересовало. При этом иногда она считала, что книгу можно в серии «Памятников литературы» напечатать, а иногда она явно просила для перевода в самиздате.

О противостоянии добра и зла в переводе Муравьева.

Ну да, они хотели переводить про противостояние добра и зла, это и ежу ясно. Время было, скажем прямо, не очень.

Почему все же «не смеет»?

Не смеет из-за языка и из-за непохожести на нее. Понимаете, у Льюиса она находила какую-то связь с автором. Они все как бы женились на этих авторах, они искали что-то такое, что смогут передать не только в смысле языка, но и в смысле духовной близости. Льюис ей гораздо ближе был, чем Толкин.

На одном из интернет-ресурсов, посвященных переводам Толкина на русский язык, встречается такое обо-

снование десятилетнего разрыва между переводами первого и второго томов «Властелина колец» Муравьевым: «Продолжение перевода не выходило из-за идеологической неблагонадежности переводчиков». Что подразумевается под «идеологической неблагонадежностью» переводчиков?

Так, а первый перевод — это когда было? Я не специалист, я плохо знаю. Я читала Толкина, читала в самиздате. Ну да, я была уже дама с детьми, и мне это было мало интересно. Ну, конечно, я очень радовалась, что прочитала, но я тогда не зависела от мамы.

На Муравьеве негде было печати ставить в смысле неблагонадежности, он работал в библиотеке иностранной литературы, должен был содержать семью, у него были дети, и он все время работал. Он не только переводил, он работал на службе, и он как раз был наверняка и подписантом, и он был абсолютно неблагонадежным; я думаю, что Кистяковский тоже. Они были приличные люди, которые где-то работали и поэтому были неблагонадежными уж точно.

Если в этом смысле идеологической неблагонадежности, то Муравьев вообще был диссидентом, а поскольку он был злым, то он еще и выражался. Так что они все были... Не знаю про Кистяковского, я мало о нем помню, я тогда лишь узнала, что он вообще есть, из-за того, что они вместе переводили, но просто они все были «контры». «Контрами» назывались те, кто против советской власти. Так они полные контры были, и никто в этом не сомневался. Ничего скрывать не надо было, и, я думаю, они уже не скрывали.

Что побудило Владимира Муравьева взяться за перевод Толкина? И какова была роль Н.Л. [Трауберг] в этом решении?

Не знаю.

Можно ли предположить, что для Владимира Муравьева Толкин был настолько же важен, как духовный наставник, сколь он был важен для Н.Л. Трауберг?

Нет, для нее он не был духовным наставником. Льюис был, Толкин — не был. Это она из вежливости что-то наплела, и теперь это будет за ней тянуться.

Для Муравьева был, он дико увлекся. Что побудило? Нашел книгу и побудило. Роли мамы не знаю, посмотрите на моем сайте, вдруг она где-то рассказала, может, она ему дала эту книгу. Я не знаю. Кто-то, значит, нашел об этом.

Поскольку Муравьев работал в Иностранке, туда все время приходили новые книги из-за границы, потому что это была библиотека иностранной литературы. Какая-то часть этих книг была закры-

та в спецфонде, Толкин, наверное, как более-менее развлекательное фэнтези, мог быть и вообще не в спецфонде.

Честертон они читали свободно в библиотеке и брали из библиотек переводить. Льюиса уже просили присылать. Значит, книга могла себе лежать, кто-то ее просто обнаружил, прочитал и завопил: «О боже! Это надо немедленно перевести». Кто это был, не будем говорить, потому что я не знаю.

Может, на самом деле, мама взяла и прочитала. И поняла вдруг, что по громоздкости, потому что книга все-таки мужская, она про битвы, про все такое, может, она и решила, что надо, чтобы Володя переводил.

Может, он сам нашел, он там работал, он все там прочитал. Они постоянно читали в Иностранке, я думаю, все фонды прочитали.

Льюис вот возник, например, от отца Александра. Найти, что читать, — это было такой охотой. Все друг другу говорили, что есть такая книжка. Другой бежал и ее читал, потом они начинали ее обсуждать. Абсолютно все письма, которые я сейчас с ужасом (от непонятности) расшифровываю, они большей частью состоят из ссылок на книги, на обсуждение книг и т.д., и «читали ли Вы». Кроме того, в письмах все время этот круг крутится, и понятно, с кем мама общается в Москве, а с кем Томас общается в эмиграции.

Вот поэтому ищите, где об этом написано, и критически смотрите на мамины высказывания, потому что она всегда хотела не известности, а чтобы людей не обидеть. Она старательно в себе выстраивала такую линию: вот да, сидите вы, очарованные, которым это очень важно, а я как сволочь влезу и скажу, что мне в Толкине не нравится то-то и то-то. Она этого никогда не делала, потому что она, как просветитель, очень уважала тягу к знаниям. И на самом деле ей было очень важно, что люди полюбили Толкина, да, это было для нее важно.

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МУРАВЬЕВ

Расшифровка интервью, взятого Ларисой Бекасовой 18 апреля 2022 года. Публикуется впервые.

Расскажите, пожалуйста, в общих чертах о том круге, который сложился вокруг В.С. [Муравьева]¹ в 70-е годы?

Вообще Толкин вырос из всего этого интереса к кругу Инклингов, поэтому, когда был какой-то разговор с Г.А. Анджапаридзе, задали вопрос, чего бы такого издать для детей, и мой отец предложил издать Толкина. Он прекрасно понимал, что это не совсем для детей, но поскольку к тому времени, в 1967 году, уже вышел перевод «Хоббита» Н.Л. Рахмановой, причем в Ленинграде, то логично было бы продолжить издавать этого автора.

Что значит круг?

Друзья, товарищи, личности, на которых он равнялся.

Получилось так, что скорее на него равнялись, а не он равнялся. Но для него главными авторитетами были, наверное, три великие дамы — Л.К. Чуковская, А.А. Ахматова и Л.Я. Гинзбург. Был также Г.С. Померанц, и был его отчим Е.М. Мелетинский. Это были те люди, о которых можно сказать, что он в какой-то степени на них равнялся.

Ко всем остальным людям старшего поколения — были, например, Хинкис и остатки Кашкинской школы, то есть переводческого движения 30–40-х годов, — но так чтобы он равнялся, нет, пожалуй.

К разным переводчикам, например, М.Ф. Лорие, или Норе Галь, или Н.Л. Трауберг отец относился с почтением, с уважением, но при этом говорил, что у них есть хорошие переводы и нехорошие переводы, что-то удалось, что-то не удалось.

Когда я его спрашивал: *«Папа, а у тебя самого есть хорошие и нехорошие переводы?»*, он отвечал: *«У меня тоже есть хорошие/нехорошие переводы, но совсем нехорошие я выкинул и не стал нигде публиковать, поэтому они есть, но их очень мало»*.

У людей из старшего поколения был другой подход: не получилось, но нужно доделать до конца.

Что касается его круга, товарищей и друзей, это, конечно, В.А. Скороденко, В.С. Харитонов — это были близкие люди, которые рассматривали отца как какого-то вождя своего кружка. Об этом мне

1. Здесь и далее в квадратных скобках примечания редактора.

многokrатно говорили покойные Харитонов, и Скороденко, и отчасти Н.В. Котрелёв, что отец в каком-то смысле задавал тон, задавал тему этого всего.

Конечно, был еще соавтор и товарищ А.А. Кистяковский, но он, как и его ближайшие товарищи и ученик Е.В. Витковский, были совсем особые люди. Кистяковский держался совсем отдельно, он был переводчиком, но вместе с тем он занимался разной политической деятельностью, отчасти из-за которой «Властелин колец» так надолго застрял. Поэтому Кистяковский скорее был товарищем, но в другом, в особом, смысле.

Да, были еще Гога Анджапаридзе и еще какие-то переводчики, к которым отец хорошо относился и уважал. Но сказать, чтобы он на кого-то вообще ориентировался в этом смысле, нельзя.

О переводческой деятельности

В 1960-е Ваш отец переводит свой первый роман...

Нет, первый был ироническо-юмористический рассказ какого-то английского писателя и еще рассказ О'Генри под названием «Позвольте-ка ваш пульс». Сначала он переводил рассказы, только потом взялся за романы.

Известно, что Ваш отец не был согласен с подходами к переводу Марии Лорие и Натальи Трауберг. К какой переводческой школе его можно отнести?

В определенной степени он старался ориентироваться на Кашкинскую школу перевода. Он очень высоко ставил переводы Валентина Стенича, особенно Джона Дос Пассоса. Но, с другой стороны, он говорил: *«Что сделано, то сделано»*, *«Это действительно хорошая настоящая работа»*, — про какие-то переводы Норы Галь он так говорил и про переводы Н.Л. [Трауберг].

Отца смущало, что Н.Л. [Трауберг] довольно свободно трактовала лицензию переводчика. Если ей нужно будет перевести вместо «мальчик вошел и сел на стул» — «мальчик вышел и встал на стол», то она переведет это так. Из-за этого, кстати говоря, ее переводы потом подвергались разного рода критике. Но, на мой взгляд, перевод либо состоялся, либо не состоялся.

Отец очень тщательно относился к своей работе, и для него это была чуть ли не сакральная деятельность. Он очень плохо относился к халтуре. Я помню, что он читал какие-то переводы, брал английский текст, подчеркивал и писал прямо на полях: *«чушь»*, *«кто ж так переводит?»*, *«а если заглянуть в английский текст?»*, — в таком духе.

Он часто довольно жестко критиковал товарищей, но это часть профессии.

Он переводил то, что нравилось лично ему, или же брал все поступающие от издательств заказы?

В разное время по-разному. Позже, к концу жизни, отбирал. В начале, особенно в конце 60-х, когда родился я и мои сестры и нужно было кормить семью, он брался почти что за любую работу. Я помню, что ему пришлось переводить какой-то странный роман с названием вроде «Цена угля», про шахтеров и рабочих. Он плевался страшно, говорил, что такой дряни он еще не переводил.

Еще у него был опыт перевода любовного романа от первого лица, в котором описывались переживания человека в возрасте, который завел роман с юной дамой — какой-то физиологизм, психологизм. Отец с некоторым отвращением об этом вспоминал, потому что переводчик неизбежно влезает в шкуру автора.

В целом, у него был круг любимых авторов, например, Фолкнер, Мюриэл Спарк, Ивлин Во. Но бывало по-разному.

Вы сказали, что для Вашего отца перевод был сакральной деятельностью. Что вдохновляло В.С. [Муравьева] на перевод той или иной литературы?

У него был очень специальный подход ко всему этому. Он постоянно читал русскую прозу. Каждый год он два раза полностью перечитывал Пушкина, периодически читал Достоевского, постоянно читал Толстого, особенно зачитывал «Анну Каренину» — это был один из его любимых текстов, много читал Набокова.

В англоязычной литературе он искал какой-то содержательности, говорил: *«Да, это большой писатель. Да, вот его надо бы перевести»*. Его вдохновляло именно литературное качество.

В чем он видел смысл своей деятельности?

Как я Вам сказал, это было служение. Как в каком-то смысле врач и преподаватель — это служение, так и здесь. Он считал, что он служит делу сохранения европейской культуры. И вообще я, как и он, считаю себя в некотором смысле представителем большой европейской культуры внутри узкого культурного пространства. И поэтому нужно каким-то образом согласовывать европейство и русскую культуру, прежде всего литературу. Неслучайно все его любимые поэты — и Ахматова, и Мандельштам — были именно такими европейцами по своей ориентации.

Мне кажется, это было нечто вроде служения, он никогда не рассматривал литературный труд как поденщину, заработок или что-то в этом роде. Он считал, что литература — это главное, что есть в этом мире.

В этом смысле я помню, что поскольку я выбрал историческую стезю и стал заниматься историей, я помню, что мы с ним говорили, и он всегда пытался передать мне свое трепетное отношение к литературе именно как к литературному процессу и к чему-то великому и божественному. Для него в литературе всегда было что-то настоящее, и нужно было это настоящее сохранить, потому что очень много плохих текстов, плохой литературы, и этот процесс ректификации нужно проводить ответственно внутри культурной передачи.

О Толкине

Ваш отец нашел книгу Дж. Толкина в Библиотеке иностранной литературы. Почему он обратил внимание именно на «Властелин колец» и знал ли он об этом авторе ранее?

Учитывая интерес к Честертону и Льюису, я думаю, что это был вполне естественный ход, учитывая, что Дж. Толкин тоже был католик и человек, близкий к тем персонажам, которые интересовали отца: Ивлин Во и Мюриэл Спарк — выходцы из католической среды. А Ивлин Во был вполне себе верующий и религиозный человек.

Как в его кругозор попал конкретно Дж. Толкин — я не вспомню. Но о личности этого автора он скорее всего знал до того, как к нему попал «Властелин колец».

Как часто В.С. [Муравьев] упоминал Толкина в реальной жизни?

Довольно часто. В частности, книга «Властелин колец» выпала для меня на важный момент, когда мне было 9–10 лет, и с разными перерывами это продолжалось до 13–15 — все это читалось дома. Естественно, этот текст постоянно присутствовал в той или иной форме в разговорах.

Дж. Толкин упоминался часто, и отец рассказывал что-то про него, были и обсуждения того, как это надо переводить. Кроме того, потом, когда началась толкиномания и появились переводы Григорьевой-Грушецкого и другие, естественно, появились те, кто начал говорить, что что-то переведено не так. Поэтому это так или иначе обсуждалось, и Дж. Толкин хорошо присутствовал в нашей жизни.

Я бы не сказал, что он присутствовал больше, чем Пушкин, Толстой или Мандельштам, поскольку эти темы у нас были в обсуждении постоянно. Но из английской литературы, наверное, Ивлин Во, Мюриэл Спарк и Дж. Толкин — это были три главных имени.

Можно ли предположить, что для Вашего отца Дж. Толкин был своего рода духовным наставником?

Наверное, нет. Это был для него какой-то важный литературный факт. А что Вы имеете в виду? Как книга, которую ты переводишь, может быть духовным наставником?

Духовным наставником может быть скорее сам автор. Здесь можно провести аналогию со значением К. Льюиса в жизни Н.Л. Трауберг. Занимал ли Дж. Толкин такое же место в жизни Вашего отца?

Это скорее упрощение. Действительно, можно говорить, что Льюис был для Н.Л. [Трауберг] духовным наставником, но ведь Льюис — это религиозный писатель. Дж. Толкин — это все-таки фэнтези, и несмотря на религиозное содержание, это не религиозная литература.

Но все-таки я думаю, что самое главное — это то, что Дж. Толкин действовал через литературу и мифологию, а Льюис — это литература с гораздо более прямым литературным посылом. Поэтому дело скорее в этом.

Если говорить о том, кто был для отца «идейным маяком», их было несколько. Одним из них, безусловно, был Набоков. А из английской литературы... У него в кабинете всегда стояло два портрета, это важно, — портрет Дж. Толкина и портрет Мюриэл Спарк. И сказать, что кто-то из них был в бóльшей степени духовным наставником, невозможно, потому что отец очень ценил английскую иронию и достаточно жесткий стеб, как у Мюриэл Спарк, в том числе над пиететическим и католическим.

В частности, он перевел эпос «Аббатиса Круская», где достаточно жестко критикуется институционализируемая религиозность. Я помню, что тогда же С.С. Аверинцев сказал ему: *«Володя, Вы же верующий человек. Зачем Вы стали это переводить? Вы же понимаете, что это сатира на веру»*. Отец ответил: *«Именно потому, что я верующий человек, я и перевел это»*. У них в этом смысле был абсолютно разный взгляд.

Поэтому правильнее сказать не про духовных наставников, а скорее литературных и в литературном смысле. Он очень любил Набокова, из русской литературы он преклонялся перед Толстым, к Достоевскому у него было очень сдержанное отношение. А из английской литературы три уже упомянутых имени — Мюриэл Спарк, Ивлин Во и Дж. Толкин. Честертон он тоже переводил, но не Льюиса.

Скажите, пожалуйста, в чем В.С. [Муравьев] видел философию произведения «Властелин колец»?

Это своеобразное рыцарственное сопротивление антихристу, которое для него отчасти было связано с сопротивлением

советской власти и всему, что было с ней связано. Опыт Г.С. Померанца, который прошел войну и у которого было сопротивление и борьба с германским фашизмом, был важным для него. Он рассматривал это как очень важную вещь, которую они сделали для страны. Мне кажется, что дело было скорее в этом.

Он повторял за Толкиным, что зло — это вполне очевидная вещь, оно не затаившееся, не абстрактное, а существует в нашем мире. Посыл был таким, что ему нужно противостоять изо всех сил.

Так, иногда он мог выразиться жестко, даже жестоко. Я понимаю, он на самом деле хотел не резкости, а ясности. Но он любил, как говорил Набоков, *strong opinions*, то есть жесткие высказывания. Например: «*Ну вот, папа, фашизм — это зло*». — «*Да, это зло*». — «*Ну хорошо, а вот, допустим, Япония примкнула к Гитлеру. Что же теперь, оправдывать американцев, которые сбросили ядерные бомбы на города?*» — «*Да, бывают ситуации, когда нужно сбросить ядерные бомбы на города*».

Я понимаю, он на самом деле не хотел об этом так резко говорить. Но он любил, как говорил Набоков, *strong opinions*, то есть жесткие высказывания. Например: «*А как же Graham Greene "Quiet American?"*» — говорил я. «*Нет такого писателя, Грэма Грина*», — отвечал он. «*Как нет?*» — «*Да потому что это не писатель, а недоразумение*». — «*Хороший же писатель*». — «*Да, хороший писатель, но он сказал что-то хорошее про советскую власть, значит, недоразумение*».

Ему была близка в каком-то смысле идея одинокого борца вроде Арагорна. Человека с печатью проклятия, изгнанничества на челе, я думаю, что он, возможно, примерял на себя эту роль, при переводе это неизбежно.

Но самое главное — это была идея бескомпромиссной борьбы со злом. А борьба со злом для него состояла в борьбе с этой сатанинской политической системой, которую он видел в советском союзе, в советской власти, прежде всего. То есть не в людях, а именно в системе власти, ну и, конечно, в фашизме. Но фашизм вроде как победили, а зло все равно продолжается.

Даже в перестройку, когда мы с ним говорили в конце 90-х незадолго до его смерти, он сказал: «*Ты что думаешь, что все закончилось? Нет, ничего не закончилось. Все еще впереди. Все еще вернется*». Как в воду глядел.

О переводе Толкина

Почему Ваш отец решил переводить Дж. Толкина?

Ну, тут совмещение. С одной стороны, ему казалось, что это было как раз то направление, которое нужно поддерживать, то есть не прямое религиозное, как у Н.Л. [Трауберг], а вот такое иносказание. С другой стороны, это была большая и важная литературная работа. С третьей стороны, они с А.А. Кистяковским договорились, и поступил заказ.

Это сочетание разных факторов. Понятно, «кто верит в случай, не верит в Бога», поэтому можно назвать этот случай некоторым иносказанием. Так получилось.

Когда В.С. [Муравьев] и Кистяковский решили переводить «Властелин колец», они делали это в первую очередь для себя?

Нет, они действительно начали переводить еще до того, как был заключен договор, но они уже знали, что это будет напечатано. Это не было подпольным переводом фанатов, как, например, в Петербурге переводила Мария Каменкович или Александр Грузберг. Эти переводы выходили для себя, а позднее стали публиковаться.

Я помню один случай из того периода, когда только опубликовали эти альтернативные переводы. Я шел из университета, спустился в метро и увидел книжные лавки. На рекламном стенде было написано: «Первый перевод Дж. Толкина». Помню, меня смутили стихи, которые автор хотел приблизить к толкиновским, но на русском выходила «простота хуже воровства». Я подошел и спросил: «А почему Вы пишете, что перевод первый? Уже ведь есть переводы». А продавец говорит: «Да ну, это ж разве переводы? Это чепуха какая-то. Вот это вот настоящий». Вот как бывает.

В чем Ваш отец видел смысл издания этого перевода?

Это вещь, которая одушевляла, особенно подростков, такая тинейджерская литература. Кроме этого, у нас в стране ведь тогда не было фэнтези практически никакого, кроме русских народных сказок. Это уже потом они повалились как из рога изобилия, а тогда ничего не было. И поэтому была идея попытаться создать жанр фэнтези на русском языке.

В некотором смысле, я бы сказал, для понимания того, как выстраивался мир этих борцов — Арагорна и так далее — нужно иметь в виду, что эта тональность очень сильно связана с поэзией Н.С. Гумилёва. Эта героизация борьбы до конца, но при этом своей одинокой войны.

Конечно, там был определенного рода культуртрегерский, религиозный посыл, но он скорее был связан с тем, что они видели в этой борьбе проекцию той борьбы, которую они вели в своей жизни с тем, что они вкладывали в понятие советской власти.

Ваш отец прочел «Хоббита» и «Сильмариллион» позднее, чем «Властелина колец»?

«Хоббита» он прочел раньше, чем «Властелин колец», потому что ему, кажется, давали на рецензию один из переводов, по-моему, Н.Л. Рахмановой.

Что касается «Сильмариллиона», это я помню достаточно хорошо. Кто-то из наших английских родственников привез ему эту книгу. До того он ее не читал. Конечно, литературно, «Сильмариллион» — это собрание разного рода мифологических набросков. Я воодушевленно сказал отцу, что буду читать «Сильмариллион», а он ответил: *«Ну, можешь, конечно, почитать. Но сравнения с трилогией он не выдерживает»*.

Какое впечатление у него было от книги «Хоббит»?

«Хоббит» — это сказка, в которой что-то есть, но сказка есть сказка. Я спросил его, нравится ли ему перевод Рахмановой, он говорил: *«Ну, Рахманова перевела это как сказку. Немножко в стиле Маршака»*. Ему не нравились какие-то вещи, но в целом перевод получился нормальный.

Лариса Александровна Бекасова
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики» (Пермь),
Социально-гуманитарный
факультет, бакалаврская
программа «История»
l.a.bekasova@gmail.com

Larisa Bekasova
HSE University (Perm),
Faculty of Social Sciences
and Humanities,
BA Programme in History
l.a.bekasova@gmail.com